

Таня Некрасова



Антарес

магическая академия

Книга 3. Книга Мертвых

Таня Некрасова

Магическая Академия
«Антарес». Книга 3

«Автор»

2026

Некрасова Т.

Магическая Академия «Антарес». Книга 3 / Т. Некрасова —
«Автор», 2026

Академия «Антарес» вовсю готовится к осеннему балу. Впереди экзамены и окончание первого семестра. Но как сосредоточиться на учебе, когда тебя постоянно отвлекают тайны? Говорят, что темная магия в Миридаде запрещена, а последний оккультист сгинул триста лет назад вместе с народом фей! Кажется, у Маргариты появилась мотивация углубиться в изучение истории магии, ведь кем бы ни был этот чародей, все указывает на то, что он имеет непосредственное отношение к Академии «Антарес»! Запрещенная темная магия в стенах Академии? Это точно не опасно?

Содержание

Глава 1. Организатор бала	5
Глава 2. Тоби	10
Глава 3. Маленькая хозяйка	13
Глава 4. Секреты	17
Глава 5. Горничная Маргарита	22
Глава 6. Доверие	29
Глава 7. Самый лучший проект	32
Глава 8. Общие интересы	38
Глава 9. Оранжерея	44
Глава 10. Новое платье	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Таня Некрасова

Магическая Академия «Антарес». Книга 3

Глава 1. Организатор бала

— Ай!

Избегая удара меча мастера Дорена, Маргарита поскользнулась на влажной траве. Первой мыслью было сохранить баланс — нельзя позволить себе проиграть! Она с трудом уклонилась от удара, чувствуя, как больно тянет сухожилия под коленями. Если чему и научили её изнурительные тренировки с мастером Дореном, так это тому, что внезапность — лучшее оружие в арсенале воина. И не столь важно, добился ли ты этого гениальным расчетом или банальной потерей равновесия! Неэстетично? Возможно. Но в битве с Невилом Фоджером её подруга Чара на деле доказала, что, прикинувшись простушкой, можно одурачить даже демоническое существо. (Или одержимого им самоуверенного выскочку с факультета боевых искусств — лучшего на всём курсе, между прочим!)

Маргарита прислушалась к своему телу, пошла на поводу у гравитации и припала животом к земле! Смешно укатившись за дерево, она отбила себе несколько драгоценных секунд, чтобы собраться с силами и вновь встать на ноги. Там-то, за шершавым стволом, два противостоящих друг другу клинка снова соприкоснулись сталью.

— Ты в порядке? — не спешил давать слабинку мастер Дорен. — Не припомню, чтобы учил тебя таким приёмам.

Они кружили вокруг дерева, и на Маргариту от этого накатывал смех.

— Ещё как учили! Это же ваш излюбленный прием!

— Да?

— Честное слово.

— И как же он называется?

— «Преврати свои недостатки в оружие». Вы сами говорили, что я рассеянная и из-за этого постоянно спотыкаюсь. Вот я и решила, раз нога подвела, то не буду тратить время на возвращение баланса и лучше сразу пригнусь к земле! Если падать, то... ай... контролируемо...

Маргарита запуталась ногой в ремешке своей же брошенной в корнях сумки. Как символично, что именно на слове «падать», она растянулась пластом, примяв спиною траву.

Мастер Дорен с тихим щелчком вложил меч в ножны. Обучая Маргариту, простолюдинку лишенную магического элементаля, он, могущественный чародей, намеренно сдерживал свою силу, сражаясь, как посредственный человек. Выцветшая льняная рубашка с короткими рукавами и грубые штаны, небрежно заправленные в выдавшие виды фехтовальные сапоги, упрощали его облик и скрывали истинное положение в обществе. Лишь благодаря россыпи драгоценных колец и перстней на пальцах Маргарита держала в голове мысль о том, что перед ней — ректор прославленной Королевской Магической Академии «Антарес», в прошлом — советник самого Его Величества Алона Веспероса. Мужчина, безусловно, не ее круга, однако, не ослепленный блеском золота и не утративший человечности, как большинство аристократов.

— Это тоже какой-то прием? — Его смеющийся взгляд проплыл поверх ученицы.

— Нет, это я просто упала. И почему только все наши поединки заканчиваются тем, что я падаю? — С опечаленным вздохом Маргарита приподнялась, чтобы сесть, возложив голову на руки, будто кручинящаяся сестрица «Аленушка» на берегу реки. — Вроде бы делаю все, как вы говорите: слежу за стойкой... Но результат всегда один!

— И всякий раз это происходит, когда в бой вступает твой язык, — то ли в шутку, то ли всерьез подметил мастер Дорен и грациозно опустился рядом, не брезгуя испачкаться.

Он обожал это место — уголок прошлого, любовно сконструированный им с помощью королевского артефакта, прозванного «Иглой Хроноса», и магии пространственного демона Тодороко. Здесь он мог быть самим собой, не страшиться бега времени, ибо чары плели для него иную реальность: повторяющуюся теплым дождем, никогда не увядающую, в которой завтрашний день будет совершенно таким же, как этот — вплоть до севшей на палец ажурокрылой бабочки.

Насекомое приковало внимание Маргариты. Интересно, если этот мир и события в нем заиклены, выходит ли, что в следующий раз, кто бы ни подставил руку, бабочка непременно сядет на нее? Но что будет, если в одно из мгновений никто не пригласит ее к себе? Куда она полетит? К призраку прошлого? К мальчику Луису, вышедшему прогуляться после дождя под просветлившимся от туч небом?

Маргарита сморгнула прекрасное создание и уставилась на мастера Дорена, занятого созерцанием ультрамариновых крыльев, раскрывающихся и расцветающих узорами.

— Что?

— Ты заговариваешь сама себя.

— Но вы ведь первым начали задавать мне вопросы!

— Да, это мой прием, чтобы сбить твою концентрацию.

Маргарита надулась:

— Коварный же вы человек, мастер Дорен, — проговорила она, но без злого упрека. — Вы бы нашли общий язык с Виктором Михайловичем. Он тоже любил подшучивать над всеми с невозмутимым видом!

Мастер Дорен, стараясь сохранить маску отстраненности, выдал себя едва видимой усмешкой, прорезавшейся в уголках губ. С чувством юмора чародей водил натянутые отношения: не поймешь, то ли он пытается остроумно пошутить, то ли это побочный продукт его пребывания в дурном расположении духа так своеобразно проявляется в нем время от времени. Поэтому Маргарита испытала огромное облегчение, наблюдая эту мимолетную улыбку — редкий проблеск света среди будней хмурости на лице чародея. В такие моменты ей и самой было тяжело удержаться от улыбки.

— Ах, да! Вспомнила! — Она рывком притянула сумку к себе на колени. — Я же приготовила нам перекус. Мастер Дорен, вы голодны?

Бабочка слетела с пальца мастера Дорена и запорхала над зелёной поляной, сталкиваясь со своими сородичами для короткого танца и разлетаясь с ними в поиске цветов. Чародей повернулся посмотреть, что это такое большое и тщательно запакованное в несколько слоев бумаги принесла с собой Маргарита.

— Это блюдо родом из моего мира! — провозгласила та, с гордостью презентуя наставнику неглубокую плетеную корзинку. На дне, устланном тонкой бумагой, покоились аккуратные треугольнички, источающие яркий аромат сыра и пряных трав. — Это называется «пицца»! Уверю вас, она восхитительна! Позвольте предложить вам кусочек! Я сама ее готовила, — добавила Маргарита, чтобы мастер Дорен наверняка согласился. — Ну, всё, кроме теста. С ним мне Фаффи помогла.

Для тех, кто знал кулинарные навыки Маргариты, эффект мог случиться обратный. Впрочем, мастер Дорен не принадлежал к их числу. Он потянулся за угощением, как вдруг Маргарита резко убрала от него корзинку.

— Постойте! Я хотела протестировать одно средство, над которым мы недавно работали на семинаре... — пробормотала она, вытряхивая содержимое сумки прямо на колени. Изначально он задумывался как средство для мытья фруктов и овощей. Незаменимая вещь в походе. Но я решила найти ему новое применение — увлажняющее средство для рук! А, вот и он! — Маргарита торжественно водрузила скромный флакончик перед изумлёнными очами

мастера Дорена и легонько потрясла им. — Та-дам! Дезинфицирующий порошок. Вот! Пока, правда, совсем немного. Экспериментальный образец.

— Похвальное стремление к знаниям, — промолвил мастер Дорен, несколько ошеломлённый бурной демонстрацией.

— Видите ли, в чём дело, — продолжала Маргарита, с восхищением рассматривая мерцающую, словно растопленный мед в лучах солнца, субстанцию. — У меня после тренировок образовались мозоли на пальцах. Когда я пожаловалась Акки, она сделала какую-то отвратительную примочку из трав, с которой я просидела полчаса. Помогло, конечно, но это было так долго и противно, что меня осенила идея создать собственный восстанавливающий крем для кожи! В его основе — этот порошок. Раз им можно мыть еду, значит, он экологичен и подходит для косметологических целей. А в качестве дополнительного ингредиента идет истолчённый в пыль корень бордового лопуха (я позаимствовала немного у Агаты). Им лечат ожоги. Судя по тому, что пишут в учебниках, это магическое растение обладает регенерирующим свойством. Жаль, конечно, что я сама не смогу пользоваться кремом, но, возможно, другим он будет полезен! В общем!

Маргарита бесцеремонно схватила мастера Дорена за руки, отчего тот весь вытянулся и напрягся. — Что ты делаешь?!

— Хочу опробовать на вас своё средство!

— Почему на мне?

Маргарита внимательно оглядела его загрубевшие руки, покрытые мозолями даже сильнее, чем у неё.

— Потому что ваша магическая сила, в случае чего, позволит вам нейтрализовать воздействие моего экспериментального средства от мозолей без ущерба для здоровья... Я бы и на себе его испытала! Но, сами знаете... Превратиться в оленя я не хочу, а мои друзья на такое ни за что в жизни не пойдут! Ну же, мастер Дорен, разрешите! Сейчас как никогда подходящий момент. Если не удастся вылечить ваши мозоли, то хотя бы продезинфицируете руки. Не есть же пищу грязными руками, в конце-то концов!..

Мастер Дорен заерзал, но отпираться не стал. Маргарита хоть и попросила у него дозволение, на отказ явно не рассчитывала, потому что уже завладела его руками и отпускать их не собиралась. Любой другой преподаватель не простил бы девушке такую наглость! Требовать своего учителя стать подопытной крысой! Где такое видано? Кажется, в последнее время Маргарита слишком расслабленно чувствует себя в его компании и многое себе позволяет.

Только мастер Дорен поразмыслил над сделанным выводом, как пыл Маргариты остудился. Он покинул ее голову, но взамен накинута на щеки.

— Извините, — отшатнулась она, осознав, что не так в ее действиях.

У нее снова вылетело из головы, что мастер Дорен ей учитель, а не друг. Он как Виктор Михайлович. Разве тот оставил бы подобное поведение безнаказанным? Да что уж там! Маргарита такого бы с ним не допустила. Ни за что! Нет!

— Ладно. Я согласен, — решился чародей. — Ты совершенно права. Мне эта магия не навредит. Пусть лучше ты покроешь свое любопытство под моим надзором, чем учудишь что-нибудь за моей спиной.

Вообще-то у Маргариты пропало желание экспериментировать, но, если мастер Дорен сам выдвинул свою кандидатуру...

Как упустить такой шанс?

— Хорошо! — воссияла она в предвкушении. С возможностью испытать крем снова ожил ее азарт, но теперь она разумно обуздала порывы и воздержалась от хватания чужих рук.

Обильно намазав золотистой субстанцией подставленные ей раскрытые ладони, Маргарита сжала губы и стала ждать.

Порошок вспыхнул, пустив в воздух фиолетовую дымку, и испарился.

— Получилось! Невероятно! — Маргарита расцвела широкой улыбкой. — Я боялась, что у вас шерсть полезет или чешуя, как у рыбы. Но всё идеально! Нужно запатентовать эту штуку! Как думаете, у неё есть шанс на рынке?

Мечты Маргариты рассеялись, как тот фиолетовый дымок, когда мастер Дорен отобрал у неё флакончик с остатками крема.

— Давай, эм, для начала, я отнесу его на экспертизу мисс Лазур, — сконфуженно проговорил он и вымученно улыбнулся. — Один удачный эксперимент ещё ничего не доказывает... К тому же, после того, что произошло с ледяным демоном, твоё имя стало слишком часто звучать в стенах Академии. Не забывай, ты простолюдинка, тебе опасно привлекать к себе много внимания.

— Э, ну, ладно, — расстроено отозвалась Маргарита. — Как скажете. — Она присмотрелась к своему наставнику, убирающему порошок подальше от глаз, и скорчила недоверчивую гримасу.

Его улыбка... на этот раз в ней затесалось что-то поддельное, снисходительное, даже какое-то... обманчивое?!

Мастер Дорен ей лжет? А ведь, если на то пошло, при взаимодействии с ним вещество отдавало отблеском его магии. Подозрительно...

Под прожигающим прищуром ученицы, мастер Дорен совсем потерялся и, чтобы это прекратить, выхватил из корзинки кусочек пиццы.

— Очень вкусно, — похвалил он рецепт, скромно надкусив угощение.

Маргарита оттаяла:

— Правда?

Если до этого в эмоциях чародея читалась фальшь, то сейчас в них сверкала настоящая искренность.

— Это могло бы стать чудесной закуской на празднике конца осени.

Маргарита была нездешняя и о традициях Академии только продолжала узнавать. Ни о каком таком празднике конца осени она слыхом не слыхивала.

— На празднике конца осени? А что это? — распирало ее любопытство.

— Осенний бал в честь окончания первого семестра, — объяснил мастер Дорен, не разделяя душевного подъема подопечной. — После него обычно учащиеся уходят на двухнедельные каникулы.

— Бал? Мне не слышалось?

Вся во власти порыва Маргарита подалась вперед, позабыв о корзинке, примостившейся у нее на коленях. Лишь молниеносная реакция мастера Дорена предотвратила неминуемую встречу пиццы с землей. А ведь он ее еще толком не распробовал!

— Говоря об осеннем бале, вы подразумеваете блистательные платья, упоительные танцы, великолепную живую музыку?

— Да. Самый что ни на есть заурядный бал.

— Заурядный бал?! — Маргарита больше не могла усидеть на месте. Фантазии повели ее в воображаемый вальс вокруг дерева, где она, в прекраснейшем платье с кринолином и корсетом, затмевает всех своей красотой. — Да что вы такое говорите! Это же бал! Как в сказках!

Мастер Дорен обнимал корзинку, словно ценнейший артефакт, и пытался проникнуть в мысли Маргариты.

— Похоже, подобные мероприятия тебе по душе...

Маргарита выглянула из-за дерева, в котором разочаровалась как в партнере по танцам, и с жаром ответила:

— Вам не понять, мастер Дорен. Для вас бал — это обыденность.

— Значит, ты никогда не бывала на балах?

— Ни разу. Но очень хочу. Я могу пойти? Пожалуйста?

— Тебе не нужно спрашивать у меня разрешения, — покачал головой чародей. — Осенний бал проводится для всех учащихся Академии.

— Ура!

На «ура» Маргариты мастер Дорен улыбнулся краешком губ, но тут же понуро вздохнул, схватившись за лоб, будто его давно и неустанно терзала мигрень.

— Обещаю, буду тише воды! — приняла Маргарита его головную боль за страх, что она снова что-нибудь натворит.

— Я знаю.

— Тогда почему вздыхаете?

— Из-за этого разговора я вспомнил, что к празднику у нас еще ничего не готово.

— Тогда, может, я помогу? — загорелась энтузиазмом Маргарита. — Помогу организовать бал?

— Эм... Даже не знаю, что тебе ответить... Задача эта непростая...

— Но это идеальная работа для меня! Я могу быть организатором, и при этом ни одна живая душа не узнает, что я причастна к проведению бала. К тому же, первый этап уже выполнен! — решительно сжала кулаки Маргарита.

— Неужели?

Она улыбнулась в зубы, смеясь над забывчивостью чародея.

— Мы уже определились с новой закуской, не так ли?

— Что ж, — заставил себя отпустить тревоги мастер Дорен. — С каждым годом удивить учащихся все сложнее. Слышал, что многие подумывают и вовсе не пойти на бал. Да и Акки хвалила твои лидерские качества. К тому же, теперь у тебя есть друзья, которые могут помочь. Быть может, из этого действительно что-то выйдет.

Глава 2. Тоби

Минули недели с тех пор, как ледяной демон напал на Академию, и Миридад уж утопал в багрянце волшебницы-осени. Ничто не напоминало о былом кошмаре: разрушенные стены были искусно восстановлены мастером Дореном, а уют и чистота возвращены в замок благодаря кропотливому труду прислуги во главе с Акки и Фаффи — главными горничными Центральной башни.

В предвкушении осеннего бала чародеи Академии поспешили предать забвению печаль об утрате одного из учеников боевого факультета. Но зловещая тень Невила Фоджера продолжала витать в коридорах, обрастая пугающими легендами. Шептались, будто ледяной чародей был снедаем ревностью к деве, пленившей его сердце, он не вынес жестокого отказа возлюбленной и сошел с ума. Некоторые были убеждены, что Невил с самого начала был замаскированным демоном, мечтавшим жить среди людей под личиной обычного студента. О его дальнейшей судьбе ходили самые противоречивые слухи. Одни утверждали, что мастер Дорен собственноручно уничтожил Невила Фоджера, другие верили, что его давно казнили или заточили в башне до скончания веков.

Акки не могла оставаться в стороне от этих пересудов, ведь ей было поручено следить, чтобы в них не всплывало имя Маргариты. Те, кто знали о ее дружбе с Невилом, часто называли Маргариту его любовным интересом. К счастью, этим все и ограничивалось. Сложно выдвинуть «такой бездарности» что-то серьезнее претензии: «Как кому-то вроде тебя удалось покорить сердце главного красавчика Академии?» Но кто знает, куда поползут сплетни?

— Эй, Лика, чего уши повесила?

Акки страдала от своего невысокого роста, ей было непросто даже взобраться на скамейку в саду, на которой отдыхала треххвостая химера-горничная. Она проследила за ее тусклым взглядом и вздохнула:

— Все винишь себя?

— Если бы я тогда не устроила скандал, он бы не стал таким...

Лика не отрываясь, наблюдала, как меж косматых, порыжевших ив, прогуливались две фигуры. Горничная Мариса шла, везя впереди себя кресло-каталку, на которой сидел молодой человек в белых одеждах.

Юноша-волк по имени Тоби работал с Ликой на кухне. У них были сложные отношения. Эти двое вечно препирались и никогда ни в чем не сходились во мнении, но, как и все химеры, которых объединяло злое прошлое и которым довелось сыскать приют в стенах Академии, — они бесконечно дорожили друг другом.

В этом году осень не была щедра на ясные дни. Лишь небо распогодилось, горничная Мариса вывела Тоби в закрытый двор — подышать свежим воздухом. Они проехали мимо арки из вьючных растений, что теперь отцвела и окрасила свои резные листья в розовые оттенки. Чтобы Тоби было комфортно, Мариса держалась подальше от неровных дорожек, выложенных камнями. Влажные блики бежали по ним, точно ручейки. По искупанной в золоте осени траве переливались теплые пятна света. Они играли в кучерявых волосах Тоби, заставляя их светиться, и забавно горели на кончиках рысых усов Марисы, когда та улыбалась, стараясь его приободрить.

Вскоре юноша попросил ее оставить его одного. Мариса была для Тоби словно добрая матушка и заботилась о нем с ответственностью долга. Она все понимала, потому сразу ушла.

Так уж вышло, что бросив вызов демону, Тоби получил тяжелые травмы. Магия сохранила ему жизнь, но он поплатился ногами — из-за травм они перестали ему подчиняться.

. Немногим было это известно, что Тоби — результат эксперимента с магическим лекарством: Акки с сестрой, Лике, Марисе, ведьмочкам Агате и Пэгги, ну и, разумеется, затейнице

всего этого — Маргарите Фроловой. Все остальные считали, что, пусть и исцелился Тоби благодаря ведьмам — потому что их целительница мисс Груф от него отказалась — магия к этому отношения не имеет. Да и поведай народу правду, они бы сочли ее шуткой! Ведь в книгах черным по белому написано, что магия и простолюдины — вещи не совместимые.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — болтала ногами Акки, поглаживая завалившегося ей на колени теневого кота Тодороко. — Если бы мы рискнули продолжить лечение магией, у Тоби было бы больше шансов снова начать ходить. Выкинь это из головы, Лика. Агата и Пэгги не просто так осторожничают. Одно дело — мы рисковали, когда на кону стояла его жизнь, и совсем другое — сейчас, когда мы так далеко зашли. Поговори с ним. От того, что ты игнорируешь его, ему только хуже.

Акки толкнула Лику в спину, и та не заметила, как оказалась на ногах.

— Госпожа горничная, — залопотала лисица, овивая себя с обеих сторон хвостами.

— Давай же, не трусь!

— Я так не могу... Вдруг... вдруг он меня ненавидит?

— Да брось ты! Тоби всегда тебе рад.

Лика сцепила пальцы на белом фартуке и уронила взгляд к носкам своих черных туфель.

— Я боюсь говорить с ним наедине, — призналась она. — Боюсь, что он будет смотреть на меня как на причину своих несчастий.

— Разве он когда-то смотрел на тебя так? — Акки взяла задумчивую паузу, давая Лике время поразмыслить. — Ты думаешь, что он винит тебя, но, знаешь, интуиция подсказывает мне, что единственный, кто винит тебя во всем — это ты сама.

Лика медленно оглянулась через плечо. Коляска с Тоби все еще стояла там. Прикрыв глаза, юноша грелся на солнце.

— Госпожа горничная! Вы тоже решили насладиться прогулкой? — Мариса подплыла к ним, светя счастливой улыбкой. — Ай-ай, Лика, о чем это вы там шептались с госпожой? — поддразнила она лисицу. Но Лика, кажется, не видела и не слышала ее. Она вдруг сделала шаг и двинула прочь.

— Постой! — воскликнула Мариса неуверенно. — Тоби просил, чтобы его оставили одного.

— Пусть идет, — загадочно улыбнулась Акки, и под золотистыми ресницами ее забрезжил огонек озорства.

Лика бесшумно подошла к Тоби. Она не планировала скоро попадаться ему на глаза, и потому сторонилась его коляски. С чего ей начать диалог? С извинения? Она смотрела на его профиль, и слова высыхали в горле, образуя горький комок.

Лика была уверена, что Тоби задремал. Не секрет, что он тот еще соня. Всегда выгадает себе минутку, чтобы прикорнуть у печи, вместо того чтобы работать. Но как же она забыла, что чуткие волчьи уши не проведешь! Не отворачиваясь от солнца и не открывая глаз, Тоби слабо улыбнулся и заговорил голосом, будто доносящимся из сновидения:

— Помню, когда впервые увидел тебя, на дворе стояла такая же осень.

Уши Лики дрогнули. Это ведь он с ней разговаривает?

— Год назад. Помнишь, Лика? Это было ровно год тому назад. — Тоби сонно разлепил веки и прищурился, ослепленный искрами пронизывающих оранжевую листву солнечных лучей. — Я тогда еще так удивился. Твои волосы на солнце были такими рыжими, даже осень, которой я так восхищался, не могла сравниться яркостью с ними.

Ветер прокатил под ногами Лики сухую листву, подобрал копну ее волос и разметал по плечам.

Она прекрасно помнила тот день. Это был первый теплый день после затянувшейся осенней хандры, которая овладела небом. Трое суток Лика не выходила из укрытия, случайно

обнаруженного ей в земле, в корнях гигантского дерева. Но коварные ливни разрушили его, вода протекла внутрь, и Лике пришлось спасаться. Обессиленная от холода и голода, химера, пустившаяся в странствие в поиске легендарного Убежища, брела по размытой тропе, волоча за собой потяжелевшие от влаги хвосты, пока не увидела большую фиолетовую комету. Она была хорошо заметна на фоне сплошного серого неба и редящих крон деревьев. Несмотря на шум дождя, закладывающий уши, грохот от падения стоял такой, что задрожала земля. Фиолетовый туман стелился на километры, и Лика, напившись верой в чудо, пошла на свет. Прорвавшись сквозь непролазные дебри поваленных деревьев, она обомлела. В окружении грязи и веток лежал на боку дракон. Лика прежде не видела драконов вживую, поэтому ей было трудно сказать — был он крупным или маленьким, молодым или старым. Но от одного его вида у нее захватывало дух. Черная чешуя лоснилась, отбивая брызги дождевых капель, а над заливом клубился, как пламя от костра, фиолетовый свет.

— Ты ранен! — воскликнула Лика тревожно. Крыло ящера пересекала кровоточащая рана, похожая на след от огромного острого клинка.

Лика шатнулась вперед, чтобы сделать шаг, но драконий глаз вдруг распахнулся...

— Мы познакомились благодаря мастеру Дорену, — улыбнулась Лика, подступая к Тоби поближе.

Тоби перевел на нее улыбающийся взор.

— Ага. И живы мы тоже только благодаря нему. Нам с тобой повезло больше, чем большинству химер. Поэтому, если ты думаешь, что я сломлен печалью, то ты ошибаешься, Лика. Пожалуйста, не жалея меня.

— Не буду, — на удивление быстро согласилась та. — Но при одном условии.

Тоби наострил уши.

— Осенний бал меньше чем через месяц.

— Лика, ты же в курсе, что это праздник для чародеев, — скептически уставился на горничную юноша.

— То-то и оно! Мне так завидно. Чародеи будут веселиться, а мы работать без продыху. Это нечестно!

— Что поделать? У каждого своя роль.

— Тоби.

Лика прозвучала так настойчиво, что Тоби насторожился.

— Ты чего?

— Пообещай мне, что пригласишь меня на танец.

— Что?

— В ночь, когда у чародеев состоится осенний бал, пообещай, что пригласишь меня на танец!

У Тоби от ее властного тона слова поперек горла встали:

— Ты серьезно? И как ты себе это представляешь?

— Как угодно! — неожиданно грозно вскрикнула Лика и рухнула на колени возле его коляски, обвив руками холодную металлическую перекладину. — Прошу тебя, Тоби, поправляйся!

— Эй, хорошо-хорошо, только не плачь.

Лика почувствовала, как между ее ушей легла теплая ладонь, и успокоилась.

— Знаешь что? — бодро спросил Тоби, заставив горничную поднять на него слезливые глаза. — Не знаю, сколько времени у меня это займет — я правда не хочу тебе обещать невыполнимое, — но как только я снова встану на ноги, я обязательно приглашу тебя на танец. Идет?

— Хорошо, — смахнула слезинку с горячей щеки Лика. — Буду ждать. С нетерпением.

Глава 3. Маленькая хозяйка

Даже после самого солнечного и сухого дня, воздух пронизывала влажная, колючая стужа. Она вырывала из-под капюшона главной горничной облачка пара, стремясь похитить последнее тепло. Еще немного, и в такой легкой накидке на улицу уже не выйдешь. Акки потеряла ногу об ногу, ежась от холода, пробиравшегося вверх по колготкам.

— Брр, холодина...

Она надвинула на нос голубой шарфик из зимнего гардероба и продолжила красться по саду. Ее не слишком заботило, что кто-то может устроить за ней слежку, ведь в такую промозглую ночь вряд ли кому-нибудь взбредет в голову отправиться на прогулку.

Решимость маленькой горничной всегда пропадала, когда в траве проявлялись очертания зелёного подвала. Его не мог обнаружить никто другой, магическим образом он возникал где ему вздумается. После открытия железной крышки, всегда так тяжело поддавшейся ее силам, звучал голос, от приторного дружелюбия которого волосы вставали дыбом.

— Приветствую, маленькая хозяйка!

Акки протиснула через пересохшее горло ком необъяснимого страха и шагнула на залитые кровавым сумраком каменные ступени. Они были широкими и довольно высокими для коротеньких ножек горничной, поэтому что спуск, что подъем — становились для нее испытанием.

Акки не любила произносить это имя, но вежливость обязывала:

— Здравствуй, Марабас...

Голос хохотнул, будто чувствуя ее пренебрежение, но не имея ничего против такого обращения к себе. Алый свет, лизавший голые каменные стены и сводчатый потолок, стусился вокруг грубо сколоченного деревянного стола и простецкого табурета, вылепляя зловещий силуэт: горбатая спина, обтянутая кожей — багряной, словно свежий ожог; волосатые черные ноги с козьими копытами вместо ступней. Непропорционально-огромная голова обернулась на Акки, выпучив черные глазища и хищно ощерившись желтыми клыками.

— Тебя опять долго не было. Ты принесла, что я просил?

Голова нависла над Акки, пуская ей в ноги большую тень и царапая ее личное пространство черными рогами.

— Ну? — наседал Марабас.

Акки выдохнула из легких тонкую струйку воздуха, чтобы успокоиться. Как тут сообщать, когда это чудовище, с пастью, в которую ты запросто поместишься целиком, дышит горячим паром тебе в лицо?

— Все, что я смогла добыть, — вздохнула Акки, предоставив взору демона кусочек окровавленной ваты в стеклянном пузырьке.

Марабас раскатисто рассмеялся:

— Ты шутишь, маленькая хозяйка? И что мне с этим делать?

Ужасающий смех прекратился, и Акки убрала ладони от ушей.

— Это кровь моей сестры! — обиженно вымолвила она. — Сегодня днем Фаффи порезалась, когда готовила обед. Ты сам просил свежую кровь химеры!

— Я просил кровь свежее обращенной химеры. — Противно улыбаясь, Марабас прикоснулся ко лбу Акки изогнутым когтем, и та зажмурилась, думая, что сейчас ей прилетит щелбан. — Хм, ты до сих пор дрожишь передо мной от страха. Как печально! Мы уже год сотрудничаем, а ты все еще боишься меня. Я настолько уродлив? Уж не нам ли знать, что внешность обманчива?

— Просто я не доверяю демонам.

— Вот как...

Акки отошла от Марбаса вплотную к ступенькам и закрылась от него руками, скрестив их на груди.

— Особенно пограничным. Я могла бы тебя понять, если бы ты был призраком, но с чего демонорожденному помогать кому-то вроде меня?

— Просто ты очень милая и забавная, и ты мне нравишься.

— Пограничным демонам не знакомо чувство эмпатии.

Марабас взялся за живот, хохоча:

— Каждый раз это слышу от людей и каждый раз мне смешно. Что вы знаете о Пограничье? Вы боитесь его, как Преисподней! Как много ваших ученых осмелились изучить наш мир? Вы утверждаете, что пограничные демоны не способны долго существовать в вашей реальности без сосуда или магического подчинения, но вот он я, перед тобой, ни к чему не привязан. Меня никто не призывал, не приручал, я здесь по собственной воле. Я более осмысленный, чем большинство представителей вашего вида. Я помогаю тебе, потому что так хочу. Без меня ты не справишься. Одного стремления изменить мир не достаточно. Нужны ресурсы, и в твоей цели главным ресурсом являюсь я. Пока ты не начнешь мне доверять и делать то, что я говорю, мы так и продолжим топтаться на месте, смакуя нашу эфемерную мечту. Ты же хочешь вернуть свою сестренку? Прежнюю Фаффи? Так будь полезна, принеси мне кровь свежее обращенной химеры.

Марабас был поразительно сдержан для демона и никогда не повышал голоса, не жестикулировал излишне, да и, в общем, не выказывал агрессии. Любую фразу он произносил с неизменной, почти ангельской улыбкой. Наверное, эти двойные чувства и путали Акки. Она не могла объяснить себе, почему так боится присутствия Марабаса, если он добр с ней? Неужели она настолько предвзята, чтобы сторониться его только потому, что он демон из Пограничья.

— Где я, по-твоему, найду свежее обращенную химеру? — В голосе Акки клокотало негодование.

— В Академии.

— Что? — Горничная решила, что демон издевается над ней. — Ты засиделся в своем подвале, Марабас. Мастер Дорен больше не принимает в «Антарес» беженцев.

— Но иногда он делает исключения, не так ли? — промурлыкал демон, запрокинув ногу на ногу, от чего стул под ним прогнулся — он был ему маловат, но о каких неудобствах идет речь, если на своих тощих плечах Марабас носил гигантскую голову?

— О чем ты? О каких исключениях ты говоришь?!

— О девочке из другого мира, конечно. О Маргарите.

У Акки потемнело в глазах. Она не упоминала ее имени при Марабасе, ни словом о Маргарите не обмолвилась!

— Откуда ты знаешь? Ты же безвылазно торчишь в этом своем подвале?

Марабас стукнул когтем по пузырьку, который принесла ему сегодня Акки, и из него вылетела пробка. Он вобрал в ноздри аромат крови и произнес томным, как после затяжки сигаретой, голосом:

— Да, а как думаешь — почему? Это все ради тебя, моя маленькая хозяйка. Мой подвал — проход в другое измерение, где никто не засечет мою магию.

— Ты не ответил на мой вопрос...

— А ты на мой...

— Что?

Марабас выстрелил длинным змеиным языком в отверстие пузырька, подцепил вату и отправил ее себе в рот, как лягушка муху. Акки от этой сцены затошнило.

— Ты так и не сказала, чем тебе претит дружба со мной? — напомнил Марабас. — Я вообще-то пытаюсь быть хорошим товарищем...

— По-моему, я дала тебе четкий и ясный ответ. Я не вожу дружбу с демонами.

— И снова все та же песня! — Марабас со вздохом опустил свою несуразно большую голову на ладонь. — Сколько раз я это от тебя слышал. «Я не вожу дружбу с демонами», — передразнил он ворчливый тон горничной. — Ведь мы существа из иномирья, непохожие на вас. Однако... твои предрассудки не мешают тебе дружить с Маргаритой. А ведь она такая же, как я, чужеземка, существо из иномирья. Различает нас только то, что она вышла мордашкой, а я уродился с такой вот уродливой демонической физиономией и с багажом безосновательных домыслов касательно моей природы от глупых людишек. — Марабас свернул губы трубочкой и надулся, но разжалобить Акки ему не удалось.

— Я не смогу тебе довериться, пока ты не расскажешь мне, откуда тебе известно о Маргарите? — прятала она во злобе свой испуг.

— Ну-ну, не хмурь свой милый лобик, маленькая хозяйка. Морщины будут. Ты уже не так молода...

— Марабас!

Демона ее гнев позабавил. Он не выдержал и расхохотался до слез.

— Я не могу! Ну что за забавное существо! Ладно-ладно, так уж и быть, скажу. Я узнал о Маргарите из твоей прекрасной маленькой головки! Довольна?

— Что? Погоди... Ты умеешь читать мысли?

— Прости, что не сказал раньше. Просто мне было интересно, притворишься ли ты любезной со мной ради достижения цели. Отрадно, что ты остаешься верна своим чувствам. Не люблю двуличных людей. Ну чего ты, застыла? Посинела прямо. — Щеки Марабаса расплылись по морде, рисуя на ней наслаждение. — Вы, люди, — просто умора! Я заявляю, что знаю, о чем вы думаете, и все идет по одному сценарию. Вы всячески пытаетесь перестать думать, но выходит так, что в ваших головах всплывают все ваши самые постыдные мысли и сокровенные тайны. Даже как-то скучно становится. Эффект неожиданности теряется. Не нужно прикладывать никаких усилий, чтоб получить от вас информацию. Потому-то я не хотел тебе об этом говорить, маленькая хозяйка.

— Значит... ты все знаешь?

— За эту секунду я узнал о тебе больше, чем за год нашего общения. И, если честно, я весьма опечален некоторыми моментами, что забивают сейчас твою умненькую головку! А я-то все думал, что за кольцо с отвратительной магией ты хранишь у сердца! Теперь мне стало ясно. Подарок Кармина. Ты тоже считаешь его страшилой, но, между тем, питаешь к нему симпатию. Как это работает? Почему он, а не я?

— Марабас... ты что, ревнуешь?

— Конечно! Я бы желал быть симпатичен моей маленькой хозяйке!

— Перестань. И не называй меня так. Мы контрактов не заключали, я тебе не хозяйка.

— Пока что. Но время еще придет.

— Не знаю, о чем ты...

— Конечно, не знаешь.

Марабас воспарил со стула, растворился в алом облаке, чтобы вновь воссоздать свою демоническую оболочку в неподобающей близости от горничной. Его смех метался эхом по стенам, но громче всего он звучал в животе Акки.

— Перейдем к сути! — издал он хитрый смешок прямо в ухо горничной. — Ты, должно быть, замечала, что твоя сестра в последнее время ведет себя странно. На прошлой неделе эта мысль прочно завладела тобой и держала твое сознание далеко от меня. Мне было так неприятно, знаешь ли! Я с тобой говорю, а ты витаешь в облаках! Мы с тобой вместе подозреваем, что мастер Дорен дал Фаффи какое-то тайное поручение. Почему ей? Почему не тебе? Вы хоть и близняшки, но самые важные дела всегда достаются тебе. Что же происходит? Ага! Щелкнула в твоей голове мысль. Быть может, мастер Дорен пользуется услугами сестры, потому что у нее есть преимущество, которого нет у тебя. Она немая. — Марабас помолчал, вчитываясь в

цепочку рассуждений, которую выстраивала горничная, и, поймав ее понятливый взгляд, снова обнажил зубы в улыбке. — Присмотрись к своей сестре.

— Полагаешь, мастер Дорен приютил еще одну химеру и приставил к ней в помощь Фаффи?

— Возможно. Во всяком случае, — демон ласково положил когтистую руку на волосы горничной, — нам не мешает это проверить.

Глава 4. Секреты

С багажом лет, проведённых на кухне, главная горничная Акки превратила кулинарное искусство в рутину, доведя каждое свое движение до автоматизма. Если бы ее зачарованная перчатка выдавала вместо кухонных инструментов клинки, у самого мастера Дорена не было бы шансов против скорости и ловкости, с какими она орудовала магией!

Меж тем совсем ещё зеленая в этом деле Маргарита могла скрупулезно и нудно вымерять граммовку муки и воды в стакане. Этим она и занималась одним из вечеров.

Ей мечталось воссоздать все свои любимые варианты пиццы, чтобы поностальгировать по земным вкусам и заодно разнообразить меню, которое будет представлено на осеннем балу. Пицца с курицей и грибами, экзотический вариант с «ананасами», пицца с острым соусом для тех, кто любит «погорячее», ее тезка «Маргарита»... Этот список можно перечислять бесконечно!

Приготовить пиццу не сложно, главное правильно намешать ингредиенты для теста, чтобы оно было не слишком жидкое, но и не слишком густое, не рвалось, обладало упругой структурой, хорошо раскатывалось и не прилипало к рукам...

Маргарита отказалась от домашней пиццы, когда мама, Ксения Андреевна, однажды наругала ее за то, что она «изводит продукты». Ну, подгорела немного пицца! Так ведь это была ее первая попытка, а ей тогда и четырнадцати лет не исполнилось. Но сейчас, обзаведясь помощницей в лице Акки, проблем с тестом больше не возникало. Озадачиться пришлось другим! Начинка! В Миридаде не производили «сервелат», и ананасы здесь не выращивали! Даже если они и растут где-то на югах, то в государство не импортируются. Но Маргариту это только подзадоривало. В действительности, если приглядеться к миру внимательнее, становится ясно, что во многом он схож с Землей. Наверняка, где-нибудь найдется фрукт по вкусовым качествам схожий с земными ананасами! Замену итальянским травам, например, Маргарита отыскала прямо на подоконнике маленькой кухоньки главных горничных.

— Я все приготовила, — объявила Акки, ставя тазик с помытыми овощами на стол.

Маргарита тут же рассталась со своей миской и начала перебирать продукты, добытые горничными по ее описанию.

— Грибы. Хм, вроде похожи на шампиньоны. Подойдут. Перец! Горьковат, но ничего, если его мелко порезать, и в сочетании со сладким луком... м-мм... будет неплохо! А это... — Маргарита отрезала кусочек от колечка свежескопченной колбасы и зависла.

— Не подойдёт? — заглядывала ей в лицо Акки. — Невкусно?

Маргарита облизнула пальцы и вдруг подпрыгнула с улыбкой:

— Потрясающая! Вы сами ее с Фаффи готовите?

— Нет, мы больше по выпечке. В изготовлении копченостей Мариса у нас знаток. А у Сии неплохо получается коптить рыбу!

— Как здорово! — После радостного восклицания на Маргариту внезапно напала тоска: — Жаль, что вы не разрешаете мне видаться с Марисой и остальными... Даже с Тоби. Это правда так важно держать от него все в секрете?

— Я не хочу, чтобы Тоби переживал. Он всегда побаивался магии, неизвестно, как он отреагирует, когда узнает, что был при смерти и считай, что восстал из мертвых благодаря магии! Пусть дальше думает, что ведьмы спасли его, не прибегая к помощи магических препаратов.

— А если он будет не против того, что мы с ним сделали?

— Того хуже! Тоби может настоять на продолжении лечения магией. Принять новую жизнь ему будет непросто.

Маргарита периодически справлялась у Акки о самочувствии Тоби. Из всего сказанного ей ранее, она успокоилась на мысли, что с ним все хорошо.

— Разве он не вылечился? Вы говорили...

У горничной вырвалось виноватое «ой».

— Госпожа Акки! Что еще за «ой». Вы соврали мне?

Акки оккупировала миску Маргариты и вылила мучное месиво в тару поглубже, добавила туда просеянной муки и, вооружившись венчиком, вздохнула. Как ни прячься за делом, отвечать на вопрос придется.

— Жизни Тоби ничего не угрожает, но... он еще не восстановился полностью, и не знаю, восстановится ли. В общем, Тоби прикован к инвалидному креслу, так как у него отказали ноги. Вероятно, из-за травмы позвоночника.

— Как же так? — Маргарита оставила нож, которым собиралась резать колбасу, и ее плечи поникли. — И почему... почему вы не сказали мне?

Акки терпеть не могла чужие слезы, даже на той стадии, когда они еще не текут по щекам. Она ворчливо цокнула, стиснув венчик и уронив взгляд в миску.

— Я не хотела, чтобы ты больше имела отношение к лечению Тоби. Надеюсь, что вскоре ты забудешь о нем, и ничего не будет напоминать о том, что ты приложила руку ко всему этому.

— Ясно, — только и сказала Маргарита. — Я вас понимаю. И не обвиняю. Спасибо, что рассказали мне правду. Послушайте, госпожа Акки!

От ее непредвиденно громкого восклицания горничную передернуло. Она укоризненно посмотрела на нее, чтобы упрекнуть фразой «Не надо кричать мне над ухом», но в итоге стала наблюдателем подъема Маргаритино кулинарного настроения. Подвернув рукава рубашки, девушка вцепилась в большой нож и стала с похвальным усердием шинковать продукты.

— Я хочу, чтобы варианты закусок к осеннему балу продегустировал Тоби и слуги, что работают на кухне. Это же мне разрешается?

— Э, да, конечно... погоди. А причем здесь осенний бал?

— А я не сказала? — Маргарита горделиво задрала нос и ткнула себе в грудь большим пальцем. — Мастер Дорен назначил меня организатором осеннего бала.

— Тебя?

— Да, меня, а что такого? Я не могу быть организатором?

Акки скривилась от ее вопроса, как от кислого лимона.

— Как это похоже на мастера Дорена. Скинуть обязанности на ученицу... М-да...

— Да нет же! — уверяла ее Маргарита. — Я сама этого захотела!

— Нагрузить себя лишними хлопотами?

— Почему сразу хлопотами! Я уверена, будет весело.

Акки с мрачным вздохом убрала венчик, сняла магическую перчатку и погрузила в тесто свои маленькие ручки, чтобы замесить из него идеальный шар.

— С таким энтузиазмом ты бы лучше к экзаменам готовилась.

— К экзаменам? Каким экзаменам?

— Ну, здравствуйте! В смысле, каким экзаменам? Конец первого семестра. После осеннего бала начнутся экзамены!

Маргарита издала звук негодования:

— Кто вообще придумал проводить экзамены после бала?

В мире Маргариты было точно так же. Сначала школа празднует выпускной, а потом окунает тебя в суровую реальность, чтобы неповадно было подолгу веселиться.

Акки объяснила:

— Когда составляли учебную программу, праздник окончания осени, в честь которого Академия ежегодно устраивает осенний бал, не отмечался учащимися. Это не государствен-

ный праздник, изначально его придумали простолюдины, и он был известен как Ночь прощания. Но чародеи Академии не знают, откуда растут корни.

Легенда гласит, что давным-давно жила дева с волосами, золотыми, словно осенний лист...

— О, прямо как у вас? — Маргарита, которая, лишь заслышав вступление о легенде, сделала вся внимание, и нависла над Акки, ослепив ее белозубой улыбкой.

Хмуро сдвинув брови, горничная проигнорировала это навязчивое любопытство, и продолжила:

— Эта дева... была бессмертна и жила в чудесном мире, где не знали бед, войн и несчастий. Но так случилось, что за всю свою бесконечную жизнь она никого не любила. В ее землях неведомо было само понятие «любовь». И вот однажды в ее владения забрёл могущественный волшебник, такой же бессмертный, как и златовласая дева. Но на этом их сходство и заканчивалось. Волшебник полюбил ее с первого взгляда и потратил тысячелетия, пытаясь добиться взаимности. Однако дева была непреклонна. Она ценила его дары и хотела отблагодарить, но, увы, не могла дать ему то, чего он жаждал.

Волшебник был добр сердцем, и когда в стране разгорелась война, пожертвовал своей магией, чтобы спасти первого попавшегося ребенка. С той поры его жизнь неумолимо стала угасать, подобно жизни простого смертного. В конце концов, некогда бессмертный волшебник умер, а дева, лишь тогда осознав свои чувства, сгорела в пламени скорби. В ее огне пал ее народ, дом обратился в прах, а землю покрыло пеплом. Наблюдая за этим с небес, волшебник, всегда так дороживший своей любовью, превратил пепел в снег, чтобы тот растаял весной и даровал мертвым землям новую жизнь. Поэтому в Ночь прощания принято загадывать желания на первый выпавший снег.

— Какая... грустная история...

— Да, — тихо согласилась Акки. — Это напоминание нам о том, что ничего в этом мире не вечно, даже магия...

Маргарита растолковала смысл истории иначе:

— А мне кажется, в легенде говорится о бессмертной любви.

Акки вся съежилась, будто у нее в зубах застрял сахар.

— Как приторно! Бр-р, аж зубы сводит!

Уже больше часа находясь на ногах, Маргарита устало потянулась и оперлась локтями о столик, возложив голову в ладони и по-доброму ухмыляясь горничной:

— Вы такая неромантичная, госпожа Акки!

— Ну, уж какая есть!

— Неужели вы никого никогда не любили?

Акки обдала Маргариту таким суровым взглядом, что та морально приготовилась к удару половником по макушке, но от этой участи ее спасла скрипнувшая дверь.

— Здравствуйте, госпожа Фаффи! Давно мы с вами не виделись! — поприветствовала ее Маргарита, задрав занавеску, отделявшую кухню от комнаты, в которой сестры-горничные обедали, спали и распивали чай.

Фаффи кивнула, и ее пухлые щеки расплылись в улыбке, а глазки прикрылись в дружелюбном прищуре.

— Я вам помогу! — ринулась к ней Маргарита, принимая из ее рук поднос с грязными тарелками.

Они обе прошли на кухню: Маргарита к мойке, а Фаффи к кладовой. За неприметной дверью у горничных хранился некоторый запас овощей, фруктов и крупы.

Все это время, пока сестра осматривала запасы, Акки сосредоточенно следила за ней, делая вид, что очень занята тестом. Маргарита уже раз поймала ее странный взгляд на подносе,

с которым она проходила мимо, а сейчас заметила, как горничная застыла и не сводит глаз с сестры.

— Остатки еды на тарелках засохшие... — бормотала Акки.

Фаффи оглянулась на нее, и по комнате пробежало напряжение. Они обе отвернулись и погрузились каждая в свои обязанности. Фаффи пошла промывать пшено, а Акки продолжила месить тесто — но теперь она делала это очень агрессивно.

Маргарита чувствовала, что между сестрами что-то случилось, но молчала, не зная, как подойти к вопросу.

Пиццу они готовили в сковывающей тишине, периодически нарушаемой неловкими комментариями Маргариты, которыми она силилась разрядить атмосферу и развеселить горничных. Но те уперлись и ни в какую не хотели делать шаг к примирению! Ну, хоть бы кто улыбнулся!

Как же медленно тянулось время! Когда Фаффи со своей стряпней покинула комнату, Акки громко клацнула зубами. Поднос с горячей пиццей зычно бухнулся о стол, а сама горничная шлепнулась на подушки, скрестив руки на груди и пуская пар из ушей.

— Раздражает! Ты видела? Пшенная каша с мясом! Она приготовила пшенную кашу, ты в это веришь?

Маргарита присела напротив, чопорно подогнув ноги.

— Эм, а что такого плохого в пшенной каше?

— Это же еда бедняков!

— И что?

— Как что? — Акки резко подалась вперед, и ее золотистые брови пронзили переносицу темными морщинками: — Кому, по-твоему, предназначается эта еда, хм?

Маргарита приставила указательный палец к подбородку, усиленно размышляя.

Ответ «мало ли кому!» Акки вряд ли устроит. Тогда ей припомнился случай, как более месяца назад таким же поздним вечером, вроде этого, Гнеси сопровождал Фаффи с подносом в кабинет ректора.

— Возможно, для мастера Дорена?

Акки наигранно посмеялась:

— Ха! Мастер Дорен принадлежит аристократии. Чтобы он ел кашу деревенщин?

— Госпожа Акки, — поразило Маргариту это резкое высказывание, — но вы ведь и сама...

— Знаю-знаю, — отмахнулась та, грозно кусая пиццу и тут же нервно бросая её на тарелку. — Я прекрасно знаю, кто я! А еще за годы своей службы мастеру Дорену я выучила его от и до и в курсе, что он на дух не переносит одного слова «каша»!

Маргарита сдалась:

— Тогда у меня нет идей...

— Неужели не догадываешься? Мастер Дорен опять приютил беженца в Академии и скрывает это, потому что понимает, что сам нарушил собственное табу!

— Как было... со мной?

— Верно. Твое происхождение он тоже утаивал от нас. Не потому что боялся, что мы с Фаффи огласим его секрет, просто-напросто его заел стыд. Какой из него ректор, если он не может следовать своим же правилам?

С мастером Дореном все предельно ясно. Догадка Акки не лишена смысла. Но почему она злится на сестру?

— Вы поругались с Фаффи из-за этого? Из-за того, что она не хочет делиться с вами тайной мастера Дорена?

— Вообрази! — Волосы Акки встали дыбом от возмущения. — Вчера Фаффи приготовила картофельное пюре.

Маргарита с попустительной улыбкой закатила глаза:

— Какие претензии к картофельному пюре?

— Оно было без сливочного масла! Мастер Дорен не употребляет картофель без сливочного масла!

— А он тот еще привереда...

— ...Но когда я уточнила — правда ли это для него, Фаффи активно закивала головой, мол, разумеется! Тут-то она и прокололась. Я сказала, что хотела бы уважить мастера Дорена и отнести его поздний ужин сама. Фаффи, конечно, упорствовала. Ее пальцы будто намертво приклеились к подносу, как у человека, который ни в коем случае не может позволить предмету попасть в чужие руки. В результате нашей перепалки тарелка с пюре подпрыгнула и прилетела ей в лицо. После этого мы с ней не разговариваем... — Акки сделала паузу, чтобы наполнить легкие воздухом и продолжить: — А ты заметила, что остатки еды в тарелке на подносе, который принесла Фаффи якобы от мастера Дорена, были засохшими?

— Правда? — изогнула бровь Маргарита, не улавливая размер важности этого наблюдения.

— Почему Фаффи не забрала посуду вчера? Случилось что-то, из-за чего мастер Дорен не успел вызвать Фаффи до отбоя?

— Госпожа Акки...

— Маргарита, я так больше не могу! — ударила кулачком по столу горничная. — Сестра, с которой у нас никогда не было тайн, вдруг скрывает что-то от меня, и я чувствую, что это не какая-то там малюсенькая тайна! Мастер Дорен не разменивается на мелкие секретки. Если он во что-то ввязывается, то это всегда важно!

Маргарита прочистила горло:

— Простите, госпожа Акки, но вы не правы. У вас есть секрет от Фаффи. Да еще какой! Вы сами говорили, что за него вы можете попасть на гильотину.

— Это другое! — возразила та и тут же растерялась.

— А мне так не кажется...

С тем Акки и села на место.

— Ладно, справедливо, — сказала она, помолчав немного.

Атмосфера сделалась такая траурная, будто они только что кого-то похоронили.

Маргарите стало нестерпимо жаль главную горничную.

— Госпожа Акки, если я могу чем-нибудь вам помочь?..

— Нет, — отрезала та, но затем ее зрачки расширились и вспыхнули огоньком. — Хотя...

Глядя на зловещую улыбку Акки, Маргарита вжалась в подушки. Затевается что-то недоброе!

— Я буду признательна, если ты побудешь завтра в роли горничной, Маргарита. Если, конечно, тебя это не затруднит?..

Глава 5. Горничная Маргарита

— Когда я уже найму счетовода?.. — Мастер Дорен сидел в своем кресле и ронял вздохи над стопкой бумаг. Конец семестра не обходится без кучи отчетов. Нужно проверить за педагогами бланки с результатами успеваемости учащихся, чтобы определить, кому и по какому предмету стоит поднажать; подготовить документы для выдачи стипендии, ведь экзамены не за горами!

Беда состояла в том, что не все преподаватели «Антареса» выполняли обязанности добросовестно, сваливая своей халтурой бумажную работу на плечи ректора. Многие в лицо говорили ему, что их время стоит дорого, дороже, чем им платит Академия, так, мол, пусть сам практикуется в каллиграфии! Будто ректор решает, как распределяться казной! Всему виной военные издержки. Оснащение армии короля вооружением приоритетнее, чем счастливая учительская доля.

Мастер Дорен не смел ни с кем спорить. Он бы вставил свое слово, но не хотел портить отношения с педагогами. Большинство из них по статусу не отличались от него, и, вот напасть, — ни уволить, ни упрекнуть их, получается, нельзя. Вроде и ректор, а на деле безвольная игрушка. Как и король Алон...

Мастер Дорен вспоминал о Его Величестве с сожалением. В какие сети он попал? Как долго будет продолжаться эта «постановка»? Кто по-настоящему правит Миридадом?

Отвлекаясь на раздумья, мастер Дорен случайно оставил кляксу на бумаге со списком учеников, выходящих на повышенную стипендию. Ну, нет! Теперь все заново переписывать! Чародей запустил пальцы в волосы и потер закипающую голову.

— Акки права, мне пора обзавестись заместителем...

Стук в дверь заставил его выпрямиться. На самом деле он ожидал в этом часу гостей, точнее — гостью, одну конкретную (Гнеси не в счет). Но, как это бывало с ним, заработался. Кабинет его располагался на высоте, на которой облака поглощают солнечный свет, а высиживая в вечном сумраке, где в любую погоду за окном туман, легко потерять счет времени.

Тихие огоньки засуетились вокруг его стола.

— Да что с вами такое... — промолвил он, а потом официально крикнул: — Войдите!

Дверь открылась, как обычно — сильной рукой дворецкого Гнеси.

— Ты сегодня рано, — наконец обратил чародей внимание на стрелки каминных часов. — Еще нет... — как вдруг остолбенел, — и восьми. Ты...?

Мастер Дорен хотел спросить «Ты что здесь делаешь?», но даже этого не смог. Его обескуражили две вещи. Первая — Маргарита! Вторая — ее костюм горничной!

— Добрый вечер, мастер Дорен!

Маргарита завалилась в кабинет с подносом наперевес.

Благодаря Акки ей было не привыкать носить одежду горничной. Но если в прошлый раз она облачалась в нее в спешке, только чтобы слиться с толпой, то сегодня предусмотрела каждую деталь. Даже волосы собрала в хвост! Настоящая образцовая служанка!

Мастер Дорен рывком поднялся из кресла и обеими руками уперся в стол, словно сомневаясь в том, что устоит на ногах без опоры. Маргарита с тревогой наблюдала, как по его лицу волнами прокатывается румянец. Неужели ее визит его разозлил?

— Почему ты здесь? — спросил чародей строго. — И почему на тебе форма горничной? Где Фаффи?

Маргарита резиново улыбнулась и соврала:

— Фаффи заболела. Я ее замещаю.

— Почему?

— Люблю помогать друзьям! Что в этом такого? — внимательно следила за реакцией мастера Дорена Маргарита.

Как бы тот не прикрывал свою озадаченность ровным голосом, она заставила его лоб поморщиться.

— Нет, все нормально. Спасибо, что выручила Фаффи.

Улыбка Маргариты стала совсем уж глупой. Выручила? Ага. Как же! Видел бы он, какое представление Акки пришлось разыграть, чтобы вывести Фаффи из игры! Маргарита бесполезно стояла в сторонке и краснела от голосистых вскриков Акки. Ну не в ее это манере было влезать в чужие отношения! Тем более, что сестры у нее никогда не было, откуда ей знать, как в подобных случаях решаются дела?

Когда Фаффи просекла их план, она попыталась сбежать со своим подносом из комнаты, но ее коварная сестрица перегородила ей выход. Поскольку руки у Фаффи занимал поднос, пойти напролом и протолкнуться через сестру она не сумела бы, не расплескав молочную кашу с изюмом. Изюм. Еще одно «нет» в гастрономических предпочтениях мастера Дорена.

— Выглядишь бледно! — качала головой Акки на сестру. — Отлежись сегодня. Так уж и быть! Я доставлю ужин мастеру Дорену, не благодари!

Фаффи раскусила мотивы, стоящие за притворной заботой сестры, и обиженно скусила мордашку.

— Ну же! — дерзила Акки. Не имея более терпежа, она жадно накинулась на поднос.

Так началась очередная битва за право послужить этим вечером мастеру Дорену. Кашу мотало по тарелке туда-сюда, размазывало по краям, а сестры, с одинаково раздраженными лицами, мычали друг на друга, выжимая из себя подобие улыбок.

Раньше Маргарита считала, что, несмотря на тесные кровные узы, главные горничные абсолютно разные. Но эта сцена показала ей их близнецовую натуру. Скромница Фаффи тоже может фырчать и вредничать! Кто бы знал?

— Госпожа Акки... госпожа Фаффи... — позвала она, дергаясь от каждого всплеска каши. Чуть больше упорства — и содержимое тарелки разлетится по комнате фонтаном брызг.

— Отпусти! — кричала Акки натужно. — Тебе нельзя напрягаться!

Фаффи рычала, навверное, разрываясь про себя немим криком: «Ты дурная? Если кто-то здесь и болен, то это ты, сестренка! Отцепись!»

— Ладно! — прочла ее призыв Акки, видимо, поняв, что их силы равны. К облегчению Маргариты, каша благодатно стекла в центр тарелки.

— Госпожа Акки, — мирно начала она.

Но горничная перебила ее:

— Остановись!

Она развернулась на каблуках и зацепила прорывавшуюся через нее сестру взглядом в спину:

— Фаффи!

Маргарита встала в дверях, как голкипер на воротах, словно Фаффи была мячом, который надо словить.

Но крик Акки сработал лучше.

— Остановись, иначе я расскажу Гнеси, что он тебе нравится!

Фаффи застыла, вытянув по струнке кроличьи уши.

— Да-да, ты не ослышалась. Я знаю, что тебе нравится Гнеси, — ухмыльнулась Акки победоносно.

— Что? Серьезно? — удивилась Маргарита. — Я и не предполагала... — Она запнулась, повернувшись от вида Фаффи — уши и нос химеры стремительно розовели.

Так это правда! И как этот страшный здоровяк может нравиться маленькой хрупкой крольчихе?

В общем, с помощью шантажа Акки добились своего, Фаффи была «устранена», а Маргарита наряжена в форму горничной и выслана к мастеру Дорену, как говорится, в нужное время и в нужное место, чтобы все-все разузнать!

— Так ты... отдашь мне поднос или нет?

Маргарита увлеклась мыслью о задании, отведенном ей госпожой Акки, и совсем забыла, что не должна выходить из образа горничной.

— Простите, — опомнилась она, ее глаза забегали в поиске местечка, куда можно при-
ткнуть поднос с едой. Хоть он и весил не так много, ведь на нем, кроме стакана воды и тарелки
с кашей, ничего не было, — держать его в одном положении оказалось сложно. У Маргариты
затекли руки, она метнулась к ректорскому столу. Но сперва, было необходимо убрать бумаги.
А что еще делать? Не в руки же ректору кашу совать?

— Сейчас, мастер Дорен, минутку, — балансировала она с подносом на одной ладони. От
такой концентрации ее бросило в пот. Только бы не навернуться! Только бы не навернуться!

В страхе за свои отчеты, укравшие у него кучу сил и времени, мастер Дорен придержал
поднос.

— Дай его сюда, — потребовал он, но Маргарита, прошедшая короткий инструктаж гор-
ничной от Акки, не могла позволить себе подобную бестактность.

— Я почти положила его, — краснея и пытаясь, она потянулась пальцами к краю стола, —
Нужно только подвинуть во-о-о-он те листы. Мастер Дорен, вы не могли бы отпустить поднос,
я не дотягиваюсь?

— Нет, — отрезал тот и увлек поднос к себе, а вместе с ним и упрямую девушку. Сереб-
ряная ложка дважды лязгнула.

Маргариту так тряхнуло, что она едва не опрокинулась на мастера Дорена. Можно ска-
зать, что ей повезло. Как и каше, которая, несмотря на аттракцион, осталась в тарелке. С пошат-
нувшейся уверенностью, но всё же на ногах, Маргарита перхала смущенным смешком. Она
взглянула в суровое лицо ректора, и ей стало не по себе.

— В общем, как-то так, — сказала она, отцепившись от подноса и отрясая руки. — При-
ятного аппетита!

Не смея задерживаться в кабинете более ни минуты, Маргарита направилась к выходу.
По мере того, как она удалялась, ее щеки разгорались все жарче от стыда. Их хотелось облить
ледяной водой!

«И не возвращайся, пока не узнаешь, что прячет мастер Дорен!» — угрожающе прогро-
мыхал у нее в ушах голос Акки.

«Стоп, — остановилась она. — Я же так ничего и не узнала! Акки меня прикончит!» —
Она вдохнула воздуха, что было силы в легких, и резким разворотом заставила мастера Дорена
растерять всю краску с лица.

— Госпожа Фаффи приказала мне прибраться тут у вас! — выдала она первое, что при-
шло на ум. Как раз на такой случай Акки снабдила ее зачарованной перчаткой. Она лежала
в переднике фартука и ждала своего часа, чтобы превратиться в роскошную метелку из стра-
усиных перьев.

— Фаффи не умеет говорить, она немая...

— Да-а, точно! Оговорочка. Акки перевела мне ее желание. Они ведь сестры-близняшки
и понимают друг друга без слов? Ха-ха.

Боже, что за бред она несет? И что за дурацкое «ха-ха»? Кто так вообще смеется?

Обходя дергающийся взор мастера Дорена, Маргарита достигла стола. Чувствуя себя за
ним в относительной недоступности от молний, летящих в нее из глаз ректора, девушка при-
нялась хаотично трясти метелкой и приговаривать:

— Как же у вас здесь пыльно, мастер Дорен! Это же вредно для здоровья!

На деле Маргарита изучала содержимое стола. Бумаги с отчетами ее не интересовали, но, может, в ящичках найдется какой-нибудь компромат? Так... А что она собственно ищет? Свидетельство о том, что мастер Дорен лжет Акки?

— Маргарита, — позвал ее устало чародей.

— Да-да, я почти закончила!

— Осторожнее, разольешь.

— Ой!

Мастер Дорен не досказал, чего хотел, но ему и не надо было продолжать. Что еще можно разлить на стол? Ведь, кроме чернил, на нем никаких жидкостей не стояло. По милости Маргаритиной неуклюжести искрящиеся золотом чернила залили бумаги. Лишь эта оплошность утихомирила девушку.

— Извините, — улынулась она виновато, моля о том, чтобы гнев мастера Дорена миновал ее. Да... когда он злится, видок у него грозный... Но Маргарита же знает, что в душе он очень мягкий и добрый человек.

— По-моему, в моем кабинете достаточно чисто. Спасибо, — безэмоционально произнес он. — Думаю, тебе пора. Боюсь, меня ждет бессонная ночь с отчетами. .

— Я все уберу! И... и бумаги все перепишу! Правда, мне очень жаль!

— Гнеси!

— Мастер Дорен, умоляю, простите. Позвольте мне...

Но Гнеси уже вошел в кабинет.

Мастер Дорен поплелся к стене, где под магической печатью был упрятан тайный проход в настоящие холодные катакомбы. Маргарите доводилось бывать в них, потому чудесное возникновение двери не вызвало в ней удивления.

— Я пойду к себе. Гнеси, проводи Маргариту.

Гнеси приклонил клюв в повиновении, хотя мастер Дорен этого не увидел. Он доверял своему дворецкому, и, скинув на него заботы о девушке, исчез за дверью.

«Поем у себя», вероятно, на его языке означало: «Ухожу я от вас сидеть с хмурым лицом в затхлой хижине из воспоминаний о своем детстве».

Маргарита понадеялась успеть к двери, пока та не растворилась в стене. Мастер Дорен несомненно заблокирует проход изнутри — он не допустит, чтобы какой-нибудь бунтарский дух ветра помог девушке последовать за ним. Как Маргарита подумала, так оно и случилось! Дверная ручка ускользнула прямо из ее рук, слившись с остальным плоским рисунком. А потом и вовсе потеряла очертания. Что ж, с прошлой встречи мастер Дорен стал куда предусмотрительнее!

— Стой! — вскрикнула Маргарита, бросая прочь от нападающей на нее тени двухметрового ворона. без надзора хозяина тихие огоньки осмелели и послетали с канделябров и люстр. Вереща, словно болельщики на стадионе, эти маленькие шkodники навели шума! Судя по тому, как они крутились вокруг Маргариты, болели они за нее, а не за ворона. Гнеси отмахивался от них руками, как от назойливой мошкары. Воспользовавшись сумятицей, Маргарита скользнула под ректорский стол, словно дворецкий был настолько глуп, чтобы этого не заметить. Под его блестящими туфлями злобно выскрипывал пол. Сейчас он подойдет и...

Маргарита, нервно мнушая в руках подол формы и кусающая губы, не вытерпела и пружинисто вскочила на ноги, попутно ударившись лбом о стол.

— Прости, Гнеси! Прошу, позволь мне остаться! — выпалила она, заглядывая в черные вороньи глаза. — Ты ведь тоже чувствуешь, что мастер Дорен обзавелся каким-то новым секретом? Акки страх как переживает за него. Умоляю. Умоляю, уйди, я скажу, что ты всячески пытался меня выгнать, но не сумел! Тогда все шишки достанутся мне!

Гнеси какое-то время молча взирал на девушку с высоты своего роста, и из-за его скудной вороньей мимики было неясно, какие мысли роились в его голове. Наконец, он оторвал ногу от пола — один его единственный шаг загнал Маргариту обратно под стол!

— Только без рукоприкладства. Я уйду сама, — пробормотала та, и пугливо взвизгнула. К ней приближались здоровенные ручищи в белых перчатках. Зажмурившись, Маргарита приготовилась к последствиям. Ворон ни с кем не церемонился. А уж подобрать за шиворот раздражающую девицу и вышвырнуть за дверь по приказу хозяина — дело святое.

Сегодня Гнеси был каким-то нерасторопным. Хотел бы — давно схватил. Так чего медлит?

Наверху шелестнула бумага и застучало о чернильницу перо. Любопытство пересилило страх, и Маргарита осторожно выглянула из-под стола.

— Что ты делаешь? Жалобу на меня пишешь? — в голосе Маргариты сочилась обида, но вдруг лицо её озарилось странным удивлением. — Гнеси! Ты умеешь писать?

Как правило, простолюдины, из которых выходили химеры, были чужды грамоте. Конечно, случались исключения. Взять хотя бы Дарию, прислугу-птицу, вручившую Невилу письмо, полное ревнивых угроз. Логично было предположить, что приближенный слуга мастера Дорена, его доверенное лицо, обучен письму. Но Маргариту почему-то это открытие поразило. Так странно... Человек, чьих мыслей она никогда не слышала, слуга, порой, казавшийся глупее птицы, вдруг обретает разум в форме нескольких каллиграфически выведенных фраз: «Я уйду. Но перед хозяином защищать тебя не буду. Фаффи действительно заболела?»

Последний вопрос, проявившийся на бумаге золотыми чернилами, напомнил о необходимости ответить хоть что-то.

— А, нет, нет, с ней все хорошо, — выпрямилась Маргарита.

Гнеси понятиливо кивнул, а затем, как и обещал, молчком ушел из кабинета, представив Маргариту самой себе.

Гнеси не все равно на Фаффи? Нет. Не так. Гнеси заботит кто-то кроме его хозяина?..

Маргарита тряхнула головой, вправляя сбившиеся мысли.

Нельзя терять время! Мастер Дорен мог возвратиться в любую минуту.

Тихие огоньки безумно обрадовались тому, что в их скучной обители гость, и затрепетали пламенем, готовые ловить каждое слово. Они лезли под руку, выдвигая ящики, стоило Маргарите положить на них глаз, гнездились в волосах, заплетая их в косы, чтобы не мешались. В общем, всячески мешали сосредоточиться. Но Маргарита не могла на них ругаться. Призраки давным-давно сгоревших в пожаре детей таким способом пытались ей услужить и заполучить похвалу. Поэтому Маргарита не переставала улыбаться и рассыпать благодарности.

— Хм, а тут что?

Нижний ящик поддался не сразу, так как был переполнен. В нем лежали письма учащихся, красиво перевязанные лентами разных цветов. Маргарита взяла одно, но распечатать не смогла. Обыкновенная на вид зеленая лента упорно затянулась в узел, когда Маргарита потянула за край.

— Кассандра Клависи, — значилось имя адресанта. Маргарита полезла в ящик за остальными письмами. Большинство из них были с зелеными лентами и принадлежали леди Клависи.

— Сколько писем, и все довольно старые. Хотя нет, вот это было написано недавно. О, а это письмо от Агаты! То есть... для Агаты.

Тихие огоньки парили внимающей кучкой над Маргаритой и слушали ее рассуждения, будто что-то понимали.

Маргарита положила письмо обратно и откинулась на высокую спинку ректорского кресла.

— Видимо, мастер Дорен так заработался, что забыл про письма, — сказала она и вздохнула при взгляде на отчеты, залитые мерцающими чернилами. — А теперь у него работы станет еще больше. Что же я натворила?..

Чутко уловив ее грусть, тихие огоньки тоже померкли в печали.

— Нет, надо ему помочь! Переписать бумаги — это мне по силам!

Тихие огоньки запищали, подбадривая ее. Один из них, проворно подхватив перо со стола, сунул его Маргарите под руку. Другая группа огоньков напряглась и подкатила кресло ближе к столу.

— О, спасибо вам, — изумилась Маргарита их отзывчивости. Прямо перед ней на стол спланировал идеально белый лист бумаги. — Благодарю вас от всего сердца. Что ж, — обмакнула Маргарита перо в чернильницу. — Приступим!

Дверь проявилась на стене, мягко скрипнула ручка. Близился час рассвета, когда мастер Дорен вернулся в свой кабинет. Он был снедаем тяжёлыми мыслями и под их влиянием, как под гипнозом, не спускал взора с серебряного подноса, усыпанного осколками фарфора с остатками каши, когда-то бывшими красивой тарелкой.

Брови на лбу чародея дрожали, будто не находя себе места. Так он был раздражён.

Мастер Дорен выпустил из легких разгоряченный вздох, опустил поднос, отражающий, как зеркало, осточертевшие мысли, и, вспомнив о рабочих делах, шагнул к столу. Не думал он, не гадал, что в его кабинете есть кто-то, кроме него. Да и еще, что этот кто-то — Маргарита, которую, как он верил, много часов назад выпроводил Гнеси.

— Что она здесь делает? — произнес он одними губами, чтобы не нарушить сонную тишину.

Маргарита умиротворенно дремала в его кресле, положив голову на руки и не выпуская перо. Тихие огоньки облепили ее со всех сторон и тоже сопели, распыливая слабые искры.

Не смея даже громко дышать, мастер Дорен постоял мгновение, оцепеневший до кончиков пальцев. Освободив руки от подноса, он беззвучно подошел ближе и присел на краешек стола, чтобы рассмотреть усталое лицо Маргариты. Он не заметил, как уголки его губ подернула улыбка. В теплом сиянии, что излучали тихие огоньки, кожа Маргариты будто светилась изнутри. За окном лишь проступало бледное, бесцветное веяние утра. Здесь же, среди забывшихся по углам ночных теней, его рабочий стол уже вовсю цвел, как солнечный островок.

Кажется, в его кабинете рассвет наступил намного раньше.

Мастер Дорен не понял, как это с ним произошло, но вот его пальцы простерлись к пропитанной пламенной рыжиной темной пряди волос. Она закрывала глаза Маргариты, а ему очень хотелось их увидеть. Его желание сбылось быстрее, чем ожидалось. Ощувив чужое прикосновение, Маргарита проснулась, и, сморгнув засоряющий сознание сон, поспешила слететь с кресла.

— Мастер Дорен, простите! — извинилась она, наскоро поклонившись. — Я взялась переписывать испорченные мною бумаги, и, кажется, задремала. Клянусь, Гнеси ни в чем не виноват! — добавила она невпопад, вспомнив, что обещала прикрыть дворецкого.

— Ничего, — легко принял происходящее чародей.

Маргарита подняла на него круглые глаза, еще не совсем трезвые ото сна, и замерла. Ей на щеку легла прохладная ладонь.

— Что вы?..

Ее заклинило, заполыхавшая кровь прилила к лицу, едва не устроив на нем пожар! Что он делает?

— Мастер Дорен...

На бледной коже чародея проступил смущённый румянец.

— Ты запачкалась, — оправдался он, торопливо размазав большим пальцем по щеке Маргариты пятно и продемонстрировав отпечатавшийся черный след. — Чернила.

Прости Господи, но это уже перебор! Маргарита отвернулась, краснея до ушей, и принялась судорожно вытираться краешком фартука.

— Почему они черные? Почему чернила черные? Они же были золотыми?

— Магические чернила темнеют, когда высыхают, — держал на губах задорную улыбку чародей. — Зеркало? — предложил он, обратив одно из зачарованных перстней в элегантное маленькое зеркальце.

— Нет-нет, я лучше пойду поищу мыло!

Маргарита обернулась на мастера Дорена, чтобы попрощаться, поскольку иначе было бы некрасиво. И когда она это сделала, мастер Дорен вдруг прикрылся рукавом и издал смешок.

На вопрос Маргариты «Почему вы смеётесь?» он показал ей ее отражение в зеркальце. Скромное пятно на виске превратилось в черные веснушки. Она была похожа на трубочиста!

— Простите, мастер Дорен, мне пора! — сгорая со стыда, Маргарита укрылась руками и намылилась удрать.

Но мастер Дорен с протянутым подносом преградил ей путь:

— А поднос забрать?

— Да, хорошо. А это... — робко выглянула Маргарита сквозь щель между пальцами.

— Ах, это... — прошёлся невозмутимым взглядом по осколкам чародей, — уронил, когда возвращался. Прошу прощения.

Однако удивление Маргариты вызвала вовсе не разбитая посуда. Под белыми осколками чернели четыре глубокие параллельные полосы. Царапины? Нет. Это не просто царапины. Следы... когтей?

Глава 6. Доверие

Акки кусала губы, глядя на изуродованный отметинами когтей серебряный поднос. Ей удалось завершить рабочие дела раньше сестры, и сейчас никто не отвлекал ее от обдумывания фактов.

«Мне нужна кровь свежее обращенной химеры».

«Присмотрись к своей сестре».

Так вот, о чем твердил Марабас! Выходит, этот демонюга откуда-то знал, что странное поведение Фаффи имеет прямое отношение к тому, что ему нужно. К тому, что *им* нужно. Может ли демон каким-то образом почуять превращение человека в химеру? Тогда секрет мастера Дорена вполне объясним и благоразумен. Первые месяцы после мутации обращенный является заразным, его необходимо изолировать от простолюдинов во избежание эпидемии. Совершенно логично поручить его горничной, что уже больна, горничной, доверие к которой сродни кровным узам. Фаффи...

«Наконец-то твоя маленькая головка все поняла».

Бархатный голос Марабаса проник Акки прямо в уши.

Горничная вытянулась в струну от испытанного в моменте омерзения, перекрывшего все ее чувства:

— Марабас?.. Как ты? Где ты? — замоталась она по сторонам, рыская взглядом по крохотной комнатенке, будто бы большеглавый демон мог поместиться в ней.

Смех Марабаса загадочно растворился в комнате. Акки выкарабкалась из горы подушек, в которые успела закопаться по самый пояс, попивая чай и изучая поднос с уликами.

Такого, чтобы демон беседовал с ней на расстоянии, да еще и чуть ли не в голове у нее голосил, — прежде не бывало! Что за демонические проделки такие?

Акки выскочила на улицу, впопыхах добежала до подвала. Ветер гнал по земле волны влажного блеска, издалека они и вовсе сливались в общий поток, точно вода в течении реки. Тишь да гладь, ни намека на подвал. Стало быть, Марабас все еще сидит внутри, в своем изменении.

Акки хлопнула себя по уху так, словно вытряхивала из него воду после купания.

— Показалось? Не мог же он покинуть подвал? — Она громко вздохнула, массируя переносицу. — Я схожу с ума...

«И не зайдешь в гости? Стоишь на холоде в одном платье и мерзнешь. Не хотелось бы, чтобы моя маленькая хозяйка слегла с простудой».

— Марабас! Так это правда ты? — Акки зло ударила каблуком по нарисовавшейся в увядающей траве крышке подвала.

— Это что еще за представления? Как ты выбрался? — с упреком ворвалась горничная в мрачное логово Марабаса.

Сначала послышался голос демона — как всегда насмехающийся:

— Я никуда не выбирался. Как был здесь, так и есть. Мой голос вышел развеяться. Это называется телепатией, дорогая!

Затем из красного марева сложился его облик — страшная голова с желтой улыбкой, качающаяся на субтильной шее.

Козьи копыта застучали по каменному полу.

— Ты следил за мной?

— А ты становишься все более подозрительной...

— Марабас, хватит! Мы уже это проходили. Я не могу доверять демону.

Марабас набросил на маленькую горничную, как сеть, свою обширную тень, поглощающую всякий свет:

— Кто говорит про демона? — Он игриво коснулся подбородка Акки длинными черными когтями.

Горничная сглотнула отвращение, а набежавший на нее страх загнала подальше в сердце, прикрывшись суровостью:

— Марабас стер улыбку со своей переросшей физиономии, что было для него редкостью.

— Ты приходишь ко мне лишь под покровом ночи, словно я преступник, чье лицо должно быть скрыто от дневного света. А ведь когда-то наши встречи были озарены солнцем, ты с легкостью сбегала ко мне средь бела дня. Даже когда рядом была Фаффи. Ты доверяла ей безгранично. Объясняла, что у тебя есть тайна, в которую ей лучше не соваться. И Фаффи верила, повиновалась. Ты могла сказать ей прямо: «Я ухажу поливать цветы», и она знала, что должна прикрыть тебя. Но всё изменилось в тот миг, когда и у Фаффи появился свой собственный, тщательно оберегаемый секрет. Тебе обидно, не так ли, моя маленькая хозяйка? Ты ревнуешь.

Акки так старалась не дрожать, что оступилась, не сходя с места.

— Мастер Дорен выбрал доверить химеру Фаффи, а не мне, потому что оберегает меня. Как простолюдинка, я могу заразиться вирусом. Он поступил правильно.

— Что правда, то правда, но мог бы и поделиться, чем дышит. От его слов не убудет. Уже вторая тайна, утаенная от тебя, если ты помнишь. Первой была Маргарита. Пойми же, моя маленькая хозяйка, — напорствовал Марабас, — твой ненаглядный Луис давно выпорхнул из гнезда и не нуждается в твоей опеке. Так уж повелось, птенцы покидают насиженные места, оставляя позади тех, кто их взрастил. Нынче мысли мастера Дорена более занимает Маргарита, чем ты. Быть может, однажды они свяжут себя узами брака и исчезнут из твоей жизни навсегда. А твоя сестренка... ты ведь знаешь, что химеры не живут долго. Наступит день, и она умрет, и будешь ты одна-одинешенька, маленькая старая ведьма. — Марабас сорвал с головы Акки седой волос и, глядя на него, завелся смехом. Но смеялся он зажато, чуть ли не плача, словно ему и вправду было жаль горничную.

— Что? — ужаснулась Акки его словам.

— Ты потеряла магию, стала простым человеком, и теперь твой организм в срочном порядке наверстывает упущенное. — Марабас причмокнул губами цвета запекшейся крови, и в его взгляде разлилась какая-то нездоровая нежность. — Ты стареешь, Акки. Быстрее, чем обычные люди. Интересно, какой ты будешь через двадцать лет? Маленькой и жуткой уродливой с сеткой морщин и горбом на спине. Думаешь, если Кармин всё-таки вернется, он посмотрит на тебя? Для него ты была маленькой красивой куклой. — Марабас провел кончиком когтя по белой коже на щеке Акки и, издав безнадежный смешок, отделился к пустому столу.

Сделал он это так внезапно, словно насадил на палец занозу. После чего оскорбленно фыркнул.

— У меня есть кое-что, что разговорит твоего Луиса, — заявил демон, и достал из ниоткуда большую глиняную бутылку, замкнутую пробкой.

— Что это? — с осторожностью приняла Акки дар из его рук.

— Зелье правды.

Услышав это, горничная поморщила нос в гримасе недовольства:

— Ты же в курсе, что элементаль мастера Дорена нейтрализует любую магию? Подобные фокусы на нем не работают.

Марабас беспечно пожал плечами:

— На этот случай архимаги придумали зелья замедленного действия. После того, как мастер Дорен употребит зелье, у тебя будет около минуты прежде, чем его магия достигнет магического элемента и уничтожится.

— А если мастер Дорен почует подвох?

Марабас ткнул Акки когтем в лоб:

— Сделай так, чтобы не почувял. Для этого у тебя голова на плечах.

— Каким это образом?

— Человеческий фактор, моя дорогая, не чужд даже великим чародеям. Отвлеки его. Мастер Дорен не почувствует запах магии, если будет сосредоточен на чём-то другом. — Демон призадумался и лукавая ухмылка прорезала его губы. — Или на ком-то другом.

Глава 7. Самый лучший проект

Первыми в истории Миридада тёмное заклинательство начали использовать учёные-чародеи, хранители тайн королевского общества имени Флорена Всемогущего. Нося гордый титул архимагов, они черпали знания из древнейших фолиантов, сокрытых от посторонних глаз. Изначально тёмная магия не считалась чем-то плохим. Архимаги между собой нарекли её «жертвенной магией». Но принесение жертвы во имя процветания государства не считалось греховным деянием, тем более что в ритуалах жертвоприношения использовались лишь осуждённые на смерть преступники.

Время неумолимо текло, и вместе с ним менялись правители и устои. В рядах архимагов появились отступники, ренегаты, извратившие магию ради собственных корыстных целей. Им было не чуждо пролить невинную кровь...

После государственного переворота, оставившего Миридад на шестьдесят пять лет без постоянного правителя, тайное общество было распущено, а титул архимага вычеркнут из королевской иерархии. Вместо него ввели понятие «оккультизм», которым заклеили всех, кто имел связь с тёмной магией. Поскольку она продолжала тайно распространяться среди учёных-чародеев, имя «архимаг» приобрело зловещий смысл и прочно закрепилось за ними.

И так было, пока на престол не взойшел Мун II. Он изгнал оккультистов из королевства и навеки вписал себя в историю как освободитель.

Агата перелистнула очередной рисунок, иллюстрирующий основные исторические события по теме, и обратилась к мадам Бюлестине, надменно стоявшей неподалеку.

— Молодец, Агата! — осталась удовлетворена ответом преподаватель. Неважно, хвалила она или попрекала, её белое лицо напоминало высушенную на солнце годами бумагу, оно будто бы и не могло выражать никаких эмоций, кроме сдержанного гнева. На взгляды она тоже была скупа, ходили слухи, что под чёрным капюшоном у неё и вовсе нет глаз. Вопреки этому, она великолепно видела, кто у кого списывает, даже когда стояла к ученикам спиной. Поэтому её проверки проходили максимально честно и спокойно: учащиеся не осмеливались злить мадам Бюлестину, потому что боялись одного приближения к ним её двухметровой фигуры.

Агата привыкла к характеру преподавателя и не боялась её. Можно ли сказать, что она была у неё в любимчиках? Это вряд ли. Сердце мадам Бюлестины было таким же черствым, как и её мимика, она не заводила себе фаворитов.

— Поведай, Агата, кто это нарисовал? — поинтересовалась она, когда ведьмочка положила ей на стол иллюстративные материалы своего доклада.

Агата ждала этого вопроса и готовилась к нему в мечтах.

— Это я их нарисовала, — испуганно вымолвила она. По тону мадам Бюлестины было не до конца ясно — в восторге она или в ужасе. Но была бы в ужасе, так не похвалила бы, верно?

— Надо же! Не знала, что ты одарена художественным талантом... — С иллюстрациями в руках она задумчиво погрузилась в преподавательское кресло, возвышающееся над аудиторией, как трон. — Интересное у тебя исполнение. Мадам Флавор, насколько мне известно, не учит портретному жанру. Она больше по архитектурной и пейзажной живописи. Где ты этому научилась?

Агата вся светилась от гордости и пылала от смущения. Её талант только что признали, превознесли, да ещё и перед всем классом!

— Мой отец подрабатывал художником. Я с детства сопровождала его на набережной, где он рисовал портреты для горожан, и, пока он работал, я повторяла за ним, он был моим наставником, — тёплая улыбка одухотворила лицо Агаты.

— Интересно. — Мадам Бюлестина отскоблила белым ногтем грифель, замаравший уголок бумаги. — А почему ты выбрала графитный рисунок?

— Краска стоит очень дорого. Моя семья не могла позволить таких затрат. Кроме того, мы рисовали для людей из простого сословия, они не смогли бы приобрести дорогие картины, а продавать их ниже себестоимости не имеет смысла.

Агата услышала, как по аудитории запрыскали смешки.

Деление на слабых и сильных неизбежно, когда ты попадаешь в коллектив. Люди ни на секунду не перестают оценивать тебя, твои таланты, твой статус. И если ты в чём-то им не понравишься, к тебе запросто может прицепиться клеймо изгоя. На Агате оно висело второй год, и она уже давно вжилась в свою роль и выработала навык игнорировать насмешки, но одно высказывание очень остро задело её слух:

— Искусство бедняков. Ей подходит.

Мадам Бюлестина открыла рот и, ничего ещё не сказав, сумела сотворить первозданную тишину.

— Понятно, — твёрдо изрекла она. — Можешь садиться.

Агата напряглась, словно натянутая струна.

— Ладно, — пискнула она, с трудом проталкивая слова сквозь забитое волнением горло. Так... какая у нее оценка? Может, не стоило рассказывать, что на ее творчество повлияла бедность?

В аудитории вдруг стало жарко. Агата нервно поправила зеленый галстук-бант, ощущая, как в горле пересыхает, а ладони покрываются испариной. Так или иначе, придется пройти сквозь строй ухмылок, которыми встречали ее сокурсники.

— Пять баллов.

Всего одна фраза, и Агата вновь почувствовала в себе силы, чтобы спуститься в аудиторию. Счастливая, она заняла свое место и переглянулась с сидевшей за соседним столиком в первом ряду Пеггивай Давель.

На пухлых щеках розоволосой ведьмочки появились дружелюбные ямочки.

— Я же говорила, что это была хорошая идея, — прошептала она, прикрывшись от мадам Бюлестины ладошкой.

Агата с улыбкой кивнула ей, но в хорошем настроении обе ведьмочки пробыли недолго.

— Мадам Бюлестина! — голос Кассандры Клависи взорвался визгливыми нотками. Зеленые глаза ведьмы полыхнули отравленной яростью. — Я нахожу это вопиющей несправедливостью!

— Поясните! — Мадам Бюлестина порезала ее взглядом, невидимой силой исходящей из-под капюшона.

— Задание звучало предельно ясно: «Проиллюстрировать свое сообщение любыми методами магии».

— Моя память, леди Клависи, к счастью, еще не покинула меня. Я прекрасно помню, какое задание давала.

— Однако! — царапнула ногтями парту ведьма. — Агата обошлась без магии в демонстрации, она просто представила свои... каракули.

После ледяной паузы мадам Бюлестина объявила:

— Вы правы. Агата, возможно, не совсем точно следовала заданию. Но усилия, вложенные ею в подготовку доклада, заслуживают высокой оценки. Мы на истории магии, и здесь для меня важны ваши теоретические знания, в чем Агата, по моему мнению, преуспела.

Скрежет зубов Кассандры прокатился по аудитории, она хищно покосилась на Агату, заставив ведьмочку отвести взгляд.

— Что ж, как скажете. Кто я такая, чтобы перечить преподавателю?

Агата выпустила вздох облегчения. Уроки истории были для неё не просто окном в прошлое, а ступенью к самоутверждению. Теоретические курсы давались ей с лёгкостью, на них она могла блистать умом и купаться в восхищённых взглядах и похвалах учителей. Отменная

память служила ей в этом верным союзником. К сожалению, в стенах Магической Академии одной лишь эрудиции было недостаточно, чтобы снискать славу лучшей из лучших. Сокурсники по факультету ведьм злились на Агату, потому что она получала повышенную королевскую стипендию. «Это несправедливо! Нечестно!» — говорили они. Ведь какой бы умной ни была Агата, стоило ей перейти к практическим занятиям, где требовалось обуздать саму магию, как из одаренной ученицы она превращалась в ничтожество. Зубрила из неё вышла отличная, но чародейка, увы, получалась совсем никудышная.

Существует мнение, что ведьме необязательно быть могущественной чародейкой, чтобы создавать магические зелья. Да даже метлой управлять нет необходимости, если ты работаешь в какой-нибудь деревушке в глуши. Но амбиции Агаты были выше её возможностей. Королевская Академия должна выпускать из своих стен самых выдающихся профессионалов в своем ремесле! Чародеев, которых не стыдно поставить ко двору. Агата явно им не соответствовала. «Позор Академии» — так её частенько называли. И таких, благодаря мастеру Дорену и его «отбору» учеников, развелось порядком, что не могло не злить чародеев голубых кровей вроде Кассандры Клависи.

Строгим словом мадам Бюлестины конфликт был успешно искоренен. Во всяком случае, до конца урока.

— Тоска смертная... — буркнула Амиама Тодорэ в кулак, когда преподаватель завела лекцию о причинах гражданской революции.

— Зачем ведьме знать дату первого похода простолюдинов в Фир? Чтобы усыплять несчастных нудной историей во время операции?

Амиама самодовольно усмехнулась, решив, что её язвительное замечание достойно если не оваций, то хотя бы одобрительного смешка Кассандры. Обычно злобный юмор приходился ведьме по вкусу. А ведь Амиама только и жила тем, что рвалась из шкуры вон, чтобы сблизиться с Кассандрой и стать ей лучше подругой, вытеснив Фэй Фортон и Пегги. Конечно, отсутствие ответа было для нее как удар под дых.

— Ты из-за Пегги такая кислая? — догадалась ведьма. — Из-за того, что она с Агатой якшается? Да брось! Что ты в этой Пегги нашла? Она же бесполезная, тихая мышь, которая вечно за нами таскается... Сдалась она нам?

— Мисс Тодорэ! — одернула ее мадам Бюлестина. — Умерь свой пыл. То, что я объявила о внеаудиторной работе, не значит, что урок окончен.

— Простите, — извинилась Амиама без капли искренности и раздраженно подперла подбородок кулаком.

— Их дружба мне даже на руку.

Амиама уже не ожидала, что Кассандра ей ответит.

— Что?

— Я использую это, чтобы окончательно избавиться от нашей зубрилы. — Кассандра слегка повернулась к Амиаме, но этого хватило, чтобы увидеть змеиную ухмылку, скользнувшую по ее острому профилю.

Мадам Бюлестина повесила на доску список тем и, соединив руки за спиной, внимательно обзрела аудиторию:

— Семестр скоро завершится. Через две недели осенний бал, а потом экзамен. Мне необходимо выставить вам предварительную аттестацию. Это ваш шанс набрать дополнительные баллы для допуска к экзамену. Прошу отнестись серьезно. В особенности тех, кто спит на моих уроках, вместо того, чтобы записывать лекции. Фэй Фортон!

Храпящая на задней парте у окна ведьма вдруг встрепенулась. На щеке отпечатался след от песка, которым она усыпала парту, дабы сон был мягче и теплее. Встряхнув растрепанной золотистой головой, Фэй Фортон сделала вид, будто внимательно слушает.

— К концу следующей недели вам предстоит подготовить проект на одну из заданных тем, — продолжала мадам Бюлестина. — Для этого вам требуется разбиться на группы по три человека.

Разговоры оживили аудиторию, но преподаватель не вмешивалась. Ведьмы переглядывались, перешептывались, взмахивали руками, зазывая в свои команды. Коллективные задания всегда заставляли Агату нервничать, вся эта суеда поиска партнеров и обсуждения тем обходила ее стороной, словно она была невидимкой.

— Давай же, Агата, ты сможешь!

Ведьмочка собиралась с духом, чтобы предложить Пегги сотрудничество, но, когда настроилась открыть рот, было уже поздно. Розоволосая ведьмочка успела прибиться к Кассандре и Амиаме. Они ругали ковыляющую к ним с дальнего конца аудитории Фэй Фортон с традиционным для непустым взглядом.

— Как же так... Я опоздала, — опечалилась Агата.

Нарастающий гул голосов давил на виски, от чего у ведьмочки разболелась голова.

— Все ли в порядке, мисс Колдри? — участливо спросила проницательная мадам Бюлестина, спустившись прямо к ней.

Агата была готова расплакаться:

— Мадам Бюлестина, можно ли мне работать над проектом одной? Мне так будет проще. В ответ она услышала протяжное «Хм».

— Пожалуйста!

— Боюсь, мисс Колдри, это невозможно. Сегодня ты едва избежала скандала, когда отличилась своим выступлением. Если ты предпочтешь работать в одиночку, я буду вынуждена снизить тебе оценку.

— Нет! — отрезала Агата отчаянно и замолкла.

— Уверена, кто-нибудь с радостью присоединится к тебе. Не стесняйся, сделай первый шаг. И советую выбрать тему заранее, пока не расхватали самое интересное.

Мадам Бюлестина ушла, а Агата, осталась сидеть, пережевывая и дальше свои сомнения.

— Ладно, мадам Бюлестина права. Нужно выбрать тему.

Превозмогая волнение, она вышла из-за стола и взобралась по ступеням на возвышение, где висела учительская доска. Поняв, что сквозь спины учеников не протолкнуться, Агата робко привстала на цыпочках в отчаянном стремлении хоть что-то разглядеть, но, кажется, переоценила собственное зрение и рост.

— Извините, позвольте пройти, — пролепетала она, но её слова утонули в гуле нетерпеливой толпы. — Мне нужно выбрать тему.

— Мы все здесь за этим стоим, — взрыкнул раздражённый голос из самой гущи.

Чей-то нетерпеливый локоть грубо отпихнул Агату назад, и она, потеряв равновесие, почувствовала, как ноги лишаются опоры, а мир вокруг накрывается.

— Ой-ой, вот это было близко! — Сильные руки подхватили её, предотвратив неминуемое падение.

— Вельвет?

Ведьмочка с экстравагантным фиолетовым каре, из-под которого озорно торчали оттопыренные ушки, одарила её легкой, чуть насмешливой улыбкой.

— Я, признаться, рассчитывала услышать «спасибо».

— А, да, — собралась Агата с мыслями, — спасибо.

— Ерунда. Следить за порядком — это моя работа. Я же староста! — Вельвет уверенно поставила Агату на ноги и, повелительно встав к толпе лицом, скомандовала: — И что это мы тут толпимся? А ну, расступились, живо! Что так долго тему выбираете? У нас ещё теория магии следующим уроком!

В рядах недовольно заворчали, но требование старосты было выполнено незамедлительно.

— Спасибо большое, Вельвет, — с искренней благодарностью отозвалась Агата, когда староста проводила её к доске.

— Не за что, — хмыкнула та, задумчиво изучая список тем. — Что бы выбрать?

— Я думала, ты уже определилась, — удивилась Агата.

— Куда там? Я даже с командой ещё не решила.

— Правда?

— Угу. Как насчёт... поработать вместе?

Агата опешила. Вельвет, староста класса, сама напрашивается для партнерства в проекте?

— Ну, так что?

— Я не против. То есть, я была бы безумно рада работать с тобой!

— Отлично! Значит, нам нужен ещё один, — воскликнула Вельвет.

Ее боевой настрой на раз-два уничтожил плохое настроение Агаты.

— Простите... — Робко переминаясь с ноги на ноги, за спинами ведьм возникла Пеггивай Давель. Она отвесила Вельвет приветственный кивок, словно не могла при ней говорить, и улыбнулась, но улыбнулась одной Агате: — Агата... ты уже собрала себе команду?

Вельвет стояла и молчала, властительно взирая на Пегги с возвышения. Розоволосая ведьмочка, придавленная этим взглядом, взъерошилась и шмыгнула к Агате. Даже за руку ее взяла!

— Да вы прямо-таки закадычные подруги! — безотрадно процедила Вельвет.

От этих слов Пегги будто осела и стала еще ниже ростом.

— Мы с Вельвет ищем третьего человека, — объяснила Агата, заранее чувствуя, к чему ведет Пегги. — А ты...

— Кассандра, Амиама и Фэй объединились... — трагично проговорила та, предвосхитив вопрос.

— Странно, что они предпочли Фэй, а не тебя!

Пегги грустно хохотнула, оглядываясь на троицу подруг.

— У Фэй плохие оценки, они захотели ее поддержать. Я на них не обижаюсь.

— Если хочешь, — Агата взбодрилась, — можешь присоединиться к нам. Правда, Вельвет?

— Ага, — сказала та, словно выплюнула.

— Итак, за какой проект возьмемся? — Избегая прожигающего взгляда Вельвет, Пегги прыгнула к доске и принялась жадно изучать список.

— Давайте возьмем ту тему, которую хорошо знаем? — предложила Вельвет, уперев руки в бока и тоже обратившись к доске.

— Хм, — Агата перечитала список. — В общем-то, я не вижу здесь *слишком* сложных тем.

— Ого, повезло же нам с тобой! — восхитилась Вельвет. — Тогда будем решать по-другому. Что из этого интереснее?

— Может, «Причины конфликта Миридада с Эльфийским государством в годы первой гражданской революции?»

— Эльфийское государство? — Агата загорелась энтузиазмом. — А что, Пегги, звучит захватывающе! Ввиду отдаленности территорий об эльфах мало что известно. Это будет настоящий вызов!

— Точно!

— Э-э, — помешала Вельвет их восторгу. — Меня устраивает все, кроме «об эльфах мало что известно?» Это же усложняет нам задачу!

— Не волнуйся, я много слышала об Эльфийском государстве! — заверила ее Пегги. Агата парила в облаках от счастья:

— А я знаю целый отдел в библиотеке, посвященный эльфийской литературе! Никто не знает об эльфах лучше самих эльфов! Это будет самый лучший проект!

Глава 8. Общие интересы

На обеденном перерыве Маргарита бойко орудовала карандашом в блокноте, каким-то образом умудряясь справляться со щедрой порцией лапши.

— Так? А может... так? Да, так определённо лучше, — бубнила она, упорно прикусывая губу и морща лоб в потугах воображения.

Иногда она что-то спрашивала у сидящей напротив Фины Роузвуд. В большинстве случаев вопросы её не нуждались в ответах, ведь спустя секунду они находились сами у неё в голове.

— Ну, вроде как-то так. Что скажешь? — наконец закончила она пытаться лист.

Фина не изменилась в лице, будто не видела ничего перед собой. Тем не менее, оценку «творчеству» Маргариты она дала самую честную:

— Что это за каракули?

Маргарита почти не обиделась:

— Это мой проект!

— Вам задали сделать проект... эээ... по наскальной живописи? Если так, то вполне недурно.

— Вообще-то этот проект никак не связан с учёбой. Мастер Дорен, — наклонилась Маргарита к столу, — поручил мне организовать осенний бал. И это, — постучала она по раскрытому блокноту, — моя идея украшения бального зала.

— Эээ...

— Это секрет! — Маргарита своевременно заткнула рот Фины рукой и разочарованно вздохнула над своими уродливыми рисунками в блокноте. — Однако ты совершенно верно подметила... художница из меня никакая. Вот бы уговорить Агату помочь! Кстати, — зыркнула она по сторонам. — А где она?

— М...

— Прости.

Маргарита убрала ладонь от губ Фины, давая ей возможность говорить.

— Она — там.

Проследив за жестом подруги, Маргарита различила бледные, как лунный свет, голубые косы ведьмочки. Та безмятежно обедала в шумной компании Пегги и Вельвет. На их столах, в беспорядке громоздясь, лежали раскрытые учебники. Судя по нетронутым тарелкам, юные ведьмы были больше поглощены учёбой, предпочитая пищу ума прихотям желудков.

— Надо же, Агата неплохо сдружилась с Пегги. А кто та девушка с фиолетовым каре?

— Это Вельвет. Она в их группе староста. — Чем дольше Фина наблюдала за ведьмами, тем сильнее чахла, словно сегодня вторник и ей снова подали рыбу. — И я не советую тебе просить помощи у Агаты. Я им не доверяю...

Маргарита всмотрелась в лицо Фины: оно дрожало острыми морщинками гнева на переносице. Бешеный алый огонь опалил ее темные глаза, готовый вырваться наружу, подобно локчущей в жерле вулкана лаве. Скатерть, на которую опиралась ладонь чародейки, обуглилась и задымилась.

— Успокойся! — Маргарита подобрала её руку и негромко осадила. — Фина, ты чего? Ты так пожар устроишь!

— Прости, — очухалась та. — Просто я не понимаю! Что Агата забыла с ними? Не знаю, что задумала Вельвет, но Пегги! Она же злодейка! Одна из шайки Кассандры. И никогда с ними не расстанется! — Фина злобно цокнула зубами на ведьм. — А сейчас они так мило беседуют. Прямо как... прямо как *подруги*!

— Уж прости, Фина, но сейчас на злодейку больше похожа ты, чем она...

История чудесного спасения Тоби, самоотверженная помощь Пегги и Агаты простым слугам Академии — ничего предосудительного, что две ведьмы, объединённые одинаковыми переживаниями, в конце концов сошлись за общими интересами.

— Возможно, атака ледяного демона стала для Кассандры потрясением и она встала на путь исправления? — выдвинула предположение Маргарита. — К тому же, сама по себе Пегги неплохая. Ты же видела, как она сработалась с Агатой, когда они делали Тоби перевязки?

Но Фина всёгнула свою линию и не слышала её убеждений:

— Я не знаю, какой камень должен упасть на голову этой ведьмы, чтобы она оставила Агату в покое! Тут явно что-то нечисто. — От удара Фины кулаком по столу подпрыгнула посуда. — Они впутали Агату в свою грязную игру, и я просто так этого не оставлю!

— Как по мне, она выглядит счастливой!.. — пожала плечами Маргарита.

— В этом-то и загвоздка! Всё слишком хорошо, чтобы быть правдой!

Фина скрипнула стулом, твердо поднялась и направилась к столику ведьм. Маргарита побоялась, что чародейка сорвётся в драку, но не прошла та и половины пути, как походка её изменилась. Почесывая затылок, звучно и беспечно смеясь, она выдала приветствие, в котором не прослеживалось ни искорки от охватившего её минутами назад пламенного чувства.

— Привет, Агата! Чем занимаешься?

Агата и её новые подруги одновременно посвятили ей молчание и взгляды. Только если Агата была лишь чуть удивлена, то Вельвет и Пегги обе сидели настороже, очевидно, не одобренные её присутствием.

— Эм, мы с Пегги и Вельвет готовимся к отчётному проекту, — не скрывала своей занятости Агата.

— Вот как! Интересно!

— Да, очень, и у нас много работы, — закопалась Агата обратно в книгу. Она наконец вспомнила о еде. Правда, вскоре опять погрузилась в текст, так что вилка осталась торчать в бульоне.

— Эм, Агата, — снова отвлекла её Фина, неудовлетворённая столь стремительно завершившимся диалогом.

— Чего? — не отвлекалась ведьмочка от чтения.

— Вижу, ты хорошо поладила с Пегги и Вельвет.

— Да, мы подружились, и что? — претензионно закинула ногу на ногу последняя. — Какие-то проблемы?

При взгляде на неё лицо Фины потемнело:

— Вовсе нет. Я рада, что Агата нашла новых друзей.

— По тебе незаметно.

Фина сдержала рык и снова навязала себе улыбку:

— Послушай, Агата, могу я попросить тебя об одолжении?

Агата выглянула из-за книги:

— Я немного занята, Фина. Может, позже... У тебя же тоже скоро экзамены, сейчас не может быть ничего важнее учёбы.

— Именно! — придумала, за что зацепиться, та. — Мне нужна помощь с подготовкой к экзамену. По... по истории магии! Ты же разбираешься в предмете, да?

— Ты хочешь, чтобы я поднатаскала тебя по истории магии?

— Всё верно.

— Я думала, учёба тебя не волнует.

Фина поперхнулась наигранным смешком.

— Я решила последовать твоему примеру, пока ещё не слишком поздно.

Она мученически, до боли в скулах, выдерживала на губах улыбку в ожидании того, что скажет ей на это Агата.

— Это похвально, — наконец промолвила ведьмочка. — Хорошо. Приходи сегодня после уроков в библиотеку.

— Но у тебя же подработка...

— Сейчас в библиотеке мало дел, Лавиер разрешила мне учиться в свободное от рабочих дел время. Так что, всё в порядке.

Фина не понимала — осчастливил ли её этот ответ или поверг в отчаяние. Вельвет насмешливо посматривала на неё поверх тарелки, пока расправлялась с лапшой, а Пегги трусливо пряталась за учебником.

— Пегги и... Вельвет, я так понимаю, тоже там будут?

— Разумеется. Мы же вместе работаем над проектом.

Кулаки Фины стали тверже камней.

— Отлично, — ухмыльнулась она наперекор насмешливой физиономии Вельвет. — Я приду. Будь уверена.

Фина еле дотянула до конца уроков. Уверенная, что явится в библиотеку первой, она даже не заглянула в общежитие. Вельвет и Пегги не могли прийти раньше Агаты, наверняка им захочется отдохнуть в своих комнатах, понежиться в ванне после изматывающих тренировок на метлах... Это только для Агаты не подвиг — тащиться на подработку с тяжелой учебной сумкой сразу после занятий!

Пожертвовав драгоценными минутами отдыха, Фина обязана была опередить — если не подругу, то хотя бы Вельвет и Пегги. И каково же было ее разочарование, когда, ворвавшись запыханной в читальный зал, она обнаружила всех троих в самом разгаре учебного процесса. Расположившись на корнях Древа Знаний, проросших сквозь полы и стены библиотеки, юные ведьмы обложились книгами и за тихим шелестом страниц не заметили приближения Фины.

— Ты сегодня рано, — вырвалось у той вместо приветствия.

Агата отложила учебник, и подвинулась, освобождая подруге место на одном из корней, служивших удобной скамьей. Здесь имелось даже что-то вроде спинки с навесом — из дополнительных отростков, перевитых изумрудной лозой своенравного плюща.

Выглядело и впрямь уютно, но, чтобы Фине уместиться туда, пришлось дважды оцарапаться: первый — когда она нагибалась, чтобы пролезть под лозу, и второй — когда уже садилась: узловатый корень цапнул ее за шиворот пиджака и не хотел отпускать.

Вытерпев язвительные смешки со стороны Вельвет, не лишенная самообладания Фина захватила несколько книг, ни в жизни не ведая, о чем они.

Агата ее остановила:

— Чтобы учиться по книгам, следует составить план.

— Какой еще план?

— Не волнуйся, я сделала его за тебя!

Перед глазами Фины на стол шлепнулась стопка конспектов.

— Это краткое содержание учебной программы этого года. От простого к сложному. Рекомендую сначала ознакомиться с ним. Когда тебе станет понятно что за чем идет и какое историческое событие к чему привело — можно будет приступать к чтению литературы. Так ты сможешь расширить область своих знаний и не запутаться в учебном материале.

Фина бы и не против принять все вышесказанное к сведению, но ее мысли вращались совсем не вокруг учебы. Краем уха она то и дело улавливала смешки Вельвет, а взгляд Пегги, будто шустрый таракан, пробежался по ней, стоило отвернуться.

— Ты поняла? — низвергла ее из фантазий Агата.

— Да-да, — закивала Фина с деланной улыбкой. — Все предельно ясно!

— Тогда давайте продолжим!

Как по сигналу, юные ведьмы вернулись к «эльфам и революции». Они зачитывали вслух какие-то сложные цитаты, фиксировали их в тетрадах и беспрерывно и равнодушно восклицали: «Невероятно!», «Кто бы мог подумать?»

Фина же сидела с оголенными нервами и яростно царапала ногтями конспекты. Она мечтала хоть отчасти владеть темой, чтобы проникнуть в суть обсуждаемого, чтобы стать центром внимания подружки, заслужить от нее столь же светлый взгляд, каким она каждое мгновение обменивалась с ведьмами.

— И все-таки до конца не понимаю. — Вельвет задумчиво поскребла макушку. — Почему эльфы в начале революции не поддержали Миридад? Они же состояли с нами в содружестве. А после выхода из него лишились бывшего статуса. Их ресурсы и территории не настолько обширны, как наши. Они словно намеренно отгородились от всех, сами сделали себя изгоями. Взгляните, к чему привела такая стратегия Фир!

Пегги подняла указательный палец, и все обернулись на нее:

— Магия эльфов неразрывно связана с природой. Они черпают ее из земли. А любая война, как известно, наносит ущерб окружающей среде. Соответственно — и магия эльфов слабеет.

— Вроде это про фей, разве нет? — вздернула бровями Вельвет.

— Помню... я читала, — задумчиво протянула Агата, — что феи не могли покинуть Фир, опасаясь, что за его пределами их магия пропадет и они исчезнут вместе с ней. Впрочем, это же феи... что с них взять? Народ не то чтобы развитый, погрязший в архаичных пережитках и ритуалах. Кто теперь скажет, как оно было на самом деле?

Вельвет этого обсуждения хватило, чтобы приглушить свой любопытствующий ум. Чего нельзя было сказать об Агате. В глазах ведьмочки зажегся жадный огонек исследовательского пыла.

— Пегги, а в какой книге ты вычитала про магию эльфов? Я проштудировала все трактаты, посвященные их государству, но, к стыду своему, подобное мнение не встречала.

Пегги растерянно заелозила на корне, не готовая к вопросу:

— Э... да уж и не вспомню. Давно это было. Может, это даже не в книге писали, а кто-то мне сказал...

Агата заметно расстроилась:

— Но ты все же попытайся вспомнить, хорошо?

— Угу.

Губы Вельвет растаяли ленивой ухмылкой, она потянулась и завела руки за голову:

— А к моему стыду, мне охота отдохнуть.

— Неплохая идея, — поддержала ее Пегги.

Против большинства не пойдешь — Агата дала добро на перерыв.

— Вы тогда отдыхайте, я ещё почитаю, — сказала она и снова уткнулась в книгу.

Вельвет покинула их компанию, чтобы «размять ноги».

А Пегги принялась жевать бутерброды, которые принесла с собой.

— Агата, ты пойдешь на осенний бал? — будто невзначай спросила она, проглотив большой кусок хлеба и сыра.

— Даже не знаю, — промолвила та незаинтересованно.

— Почему?

— Там будет много людей, я не люблю подобные мероприятия.

— А если... я тебя приглашу?..

Взгляд Агаты прекратил прыгать по строкам и устался на Пегги.

— Пригласишь? Меня?

— Ага! — веселее отозвалась та. — Говорят, в этом году нам готовят особенный праздник! Будут впервые выбирать принца и принцессу бала! Разве не хочется поучаствовать?

Агата повесила нос и снова закрылась книгой:

— У меня нет шансов...

— А я так не считаю! — возразила Пегги. — Ты очень красивая, Агата. В Академии нет никого с такими красивыми волосами, как у тебя!

Сердце Агаты трепыхнулось в сомнениях.

— Права? — прошлась она пальцами по своей пышной косе.

— Они прямо как морская волна! Прелесть!

Комплименты почти заставили Агату согласиться, но робость стояла перед ней непреодолимой стеной.

— Я... я не уверена. К тому же, принцессу бала обычно выбирают голосованием, за меня никто голосовать не будет.

— К твоей великой удаче, это будет бал-маскарад! За маской никто не узнает, что ты — это ты!

— Я подумаю...

— Нет! — Фина вскочила, с силой впечатавшись ладонями в стол.

Пегги вскрикнула, инстинктивно защищаясь руками.

— Фина? — Агата уронила книгу на колени, пораженная.

— Прости, Агата, но я больше не могу молчать! — В волосах Фины выросли маленькие огненные рожки. — Неужели ты не видишь, что они затевают что-то против тебя?

— О чем ты говоришь?

— С чего бы этой ведьме, — взметнула она рукой в сторону Пегги, — дружить с тобой? Ведьмочка вся сжурилась у корней Древа, словно один из его листочков.

— Фина, перестань! Ты пугаешь Пегги! — Агата спрыгнула на землю и строго выпрямилась.

— А Вельвет! Разве не очевидно, что она с тобой не из добрых побуждений?

— По-твоему, я настолько ничтожна, что со мной дружат только из корысти?

Слезы в глазах Агаты сбили Фину с толку.

— Что? Нет. Я не это имела в виду.

— А что? Может, то, что мне никогда не стать принцессой осеннего бала?

— Серьезно, Фина! — Вельвет возникла за спиной огненной чародейки со скрещенными на груди руками. — Что плохого в том, что у Агаты появились друзья с общими интересами? Подумай сама, насколько ей интересно с тобой? Что вас связывает?

Фина открыла рот, но не смогла вспомнить ничего, что объединяло бы ее с Агатой.

— Мы соседки по комнате, — начала перечислять ведьмочка, но на этом список иссяк.

Между подругами разверзлось, как глубокая яма, утаскивающее на дно молчание.

Фина не находила слов и, пока слезы не брызнули из глаз, удалилась прочь.

Она брела между бесконечными стеллажами книг, чувствуя, как в груди собирается комок обиды. Слова Вельвет жужжали в ушах: «Что вас связывает?». Действительно, что? Они с Агатой обе учились на втором курсе, жили в одной комнате, но что еще? Что могла предложить Фина своей дружбой? Агата обитала в своем собственном мире, у нее были абсолютно другие ценности в жизни. И самое главное — у нее была цель. А кто Фина? Богатенькая, но пустая аристократка! В ее предпочтениях ничего похвального — лишний раз подремать или покидать камни в фонтан, одним словом — «разгильдяйка».

Но ни Пегги, ни Вельвет никогда не увидят настоящую Агату! Как бы они ни строили из себя понимающих друзей, для них Агата была обыкновенной зубрилой. А ведь под этой маской скрывалась целеустремленная и увлеченная натура, девушка, ежедневно преодолевающая себя. Разве это не достойно восхищения?

Сердце Фины закололо и облилось горечью:

— Ты не ничтожна, Агата. Это я ничтожество...

— Не думала, что ты такая плакса...

Услышав этот голос, Фина наспех утерла лицо и обернулась.

Глава 9. Оранжерея

— Я не плачу, просто у меня аллергия на перья Лавиер.

Оправдание Фины прозвучало настолько жалко, что вызвало у Вельвет лишь кривую усмешку.

Фина вспыхнула:

— Чего тебе? Зачем преследуешь меня?

— Чтобы поговорить. Я давно хотела выманить тебя на откровенный разговор.

— О чем мне с тобой говорить?

Вельвет зашипела на нее:

— Тише. Не выношу громких людей. И потом, мы все-таки в библиотеке.

Фина скрежетнула зубами, но прислушалась к ней. Ей пришлось больно прикусить язык, потому что на нем вертелась только брань, а она точно не выйдет из нее тихо.

— Не пойми меня неправильно, — начала Вельвет, сморщившись и почесав ухо, словно туда залетел назойливый жук. — Я ничего не имею против тебя или Агаты, но меня раздражает твоя попытка нас перессорить. Признаю, я сошлась с Агатой не ради дружбы. В моих интересах — успешно сдать проект. Агата умна и с удовольствием возьмет на себя защиту. Пегги со своей растительной магией тоже пригодится, хотя она и выводит меня из себя. Моя же магия не так проста в обращении. Я могу воздействовать на предметы звуковыми вибрациями, но вряд ли это будет выглядеть эффектно в презентации.

— Только попробуйте навредить Агате, — кулаки Фины грозно возгорелись пламенем. — Я вас уничтожу.

— Не той ты угрожаешь, Фина. Ты, похоже, еще не осознала, кто я такая и какая власть сосредоточена в моих руках...

Фина презрительно хмыкнула:

— Не преувеличивай силу своих полномочий! Ты староста, а не принцесса! И даже не дочь советника.

— Зря ты так, — спокойно проговорила Вельвет. — Мы с тобой гораздо ближе, чем кажется. Основа нашей популярности — страх. Люди трепещут предо мной, так же как и перед тобой. Да, я не способна испепелить все вокруг щелчком пальцев, как великий и ужасный «огненный демон», но я знаю все и обо всех. А секреты — оружие куда более разрушительное, чем огонь.

Вельвет накрылась руками. Тяжело дыша, она согнулась и рухнула на колени, будто её сверху придавило огромным камнем.

— Эй? Что с тобой?

Фина не умела оставаться безучастной, когда кому-то становилось плохо. Пожар ненависти отступал перед живым беспокойством за своего недавнего врага.

— Да сколько можно кричать? — оскалилась Вельвет, отбив протянувшуюся к ней руку помощи.

— Может, позвать мисс Лазур?

Вельвет вздыхала, массируя уши. Больное состояние, ослабляющее ее, потихоньку отступало.

— От моей болезни нет лечения, — процедила она, поднимаясь. — Я живу с этим пятнадцать лет. Бесконечный бубнеж, эти... эти незатыкающиеся голоса... Стоит мне расслабиться, как они наводняют мою голову! Чужие разговоры, счастливый смех, слезы — да плевала я на них! Но они всегда тут. — Вельвет постучала пальцем по виску и ощерилась в дикой улыбке — такой тугой, что ее лицо раздулось жилами.

Замешательство Фины держало её от ведьмы поодаль:

— О чем ты?

— Прислушайся!

— Я ничего не слышу.

— А я слышу все! Вплоть до скрежета пера Лавиер по бумаге и чавканья этой обжоры Пегги! Я знаю все тайны студентов и преподавателей Академии. — Вельвет мрачно наклонила голову набок, и волосы занавесили ей половину лица. — И еще я знаю, какой опасный секрет скрывает твоя подруга.

— Агата?

— Агата. Ха! Она слишком простодушна, чтобы хранить тайны...

— Тогда... Маргарита?

Вельвет кивнула.

— Ну и что? Мне тоже известны ее секреты...

— Да-да, «великие секреты» вроде того, что ее назначили организатором бала и что ледяной демон использовал ее, чтобы атаковать Академию... — быстро пробормотала Вельвет и высокомерно хохотнула в конце. — Это все ерунда. Я знаю о Маргарите такие секреты, которые могут поставить под угрозу существование всей Академии и изменить ход войны! Я могла бы в любой момент указать на принцессу Веспероса, одним словом отправить на гильотину нашего замечательного ректора и его ораву горничных-детишек. Но... видишь ли, Фина... все эти события повлияют на мою учебу, а я хочу выпуститься отсюда и стать придворной ведьмой.

Фина застыла в осторожном любопытстве:

— И что за секрет у Маргариты?

Вельвет улыбнулась ее наивности:

— Я же только что сказала, чего нам будет стоить ее секрет. — Бурные эмоции ушли с лица ведьмы, и оно снова стало спокойным. — Я могла бы его продать, но тебе это не по карману. Я неплохой человек, Фина! Хотя, возможно, со стороны так не кажется. Я невольный наблюдатель. Не в моих принципах вмешиваться в жизнь других людей. Поэтому не делай из меня врага. Я не обижу твою Агату и не расскажу никому про Маргариту. Даже в качестве мести. — Вельвет развернулась на каблуках и махнула Фине рукой, маня пойти за собой: — Я слышу, как Агата всхлипывает. Ты идешь мириться или нет?

Фина никогда не страдала гордыней, она извинилась перед Агатой, и последующие два часа провела в компании ведьм, честно работая над тем, чтобы в ее голове отложился хоть какой-то осадок знаний. Провал на экзамене грозил дополнительными занятиями, что точно было не в пользу ленивой душе Фины. Кроме того, Агата составила эти конспекты специально для нее, кому будет приятно узнать, что весь твой усердный труд пошел прахом?

С непривычки, глаза Фины быстро уставали, спина затекала, а ударившая по вискам мигрень окончательно выбила огненную чародейку из процесса. Она ушла первой, и никакие «еще полчасика» не сумели ее остановить.

Следующий день ничем хорошим не порадовал. После занятий с ведьмами Фина была вся никакая, но вместо общежития потащилась в оранжерею — место, где можно хандрить от души и не опасаться вопроса: «С тобой все нормально?» Потому что состояние «нормально» к ней сейчас точно не относилось.

Оранжерею укрывал стеклянный купол, поэтому в ней было светло до самого позднего вечера. Столько разнообразия зелени, сколько было собрано под этой крышей, не сыскалось бы и во всем Мерцающем лесу. Пальмы с перистыми листьями рвались к самым сводам, рисуя причудливые тени на каменных дорожках. Лианы обвивали колонны, превращая их в живые скульптуры, а мелкие цветы с особо чарующим сахарным блеском на лепестках рассыпались по изумрудной поверхности, будто алмазная крошка.

В центре оранжереи журчал небольшой фонтан, его прохладные брызги освежали воздух.

Среди буйства красок и ароматов порхали редкие бабочки, их крылья, как разноцветные витражи, отражали солнечные лучи. В дикой тишине оранжереи можно было услышать щебетание диких птиц, сотрясающих с ветвей листву.

Здесь забывалась суета; думалось, и дышалось легче.

— Почему учиться так сложно? — вздохнула Фина, толкнув витражную дверь в оранжерею. Ей бы сейчас раствориться в тенистых объятиях зелени, но, увы — уединиться не получится. В медных лучах заходящего солнца ее приветствовала Маргарита — опять с блокнотом в руках!

— Эгей, Фина! Ты как раз вовремя! Иди сюда!

Маргарита бросила блокнот на возвышение, которое обильно покрывали заросли, и, сияя, подняла навстречу бредущей к ней подруге огромный цветок в глиняном горшке. Ноша явно была не для ее хрупких рук.

— Взгляни!

— Надорвешься, — предостерегла Фина, забирая горшок и бережно опуская его обратно на стол.

— Что думаешь? — не унималась Маргарита.

— О чем?

— О цветке. Нравится?

— Ну... цветок как цветок, — Фина заторможено моргнула, рассматривая фиолетовые бутоны с серебристыми сердцевинами, похожими на крошечные звезды. — Вполне... милый.

— Я тоже так считаю! — воскликнула Маргарита. Ее неумная энергия едва не сбила сонную Фину с ног.

— И зачем... все это?

Маргарита присела на корточки, чтобы по буквам выписать в блокнот замысловатое название цветка.

— Мастер Дорен разрешил мне выбрать любые цветы для украшения бального зала. Я хочу сделать фиолетовые «акценты». Последнее время мне очень нравится фиолетовый цвет!

— Фиолетовые «что»? Ладно... неважно...

Фина смотрела на нее и поглаживала мочку уха.

— Как ни погляди, а у мастера Дорена к тебе особое отношение...

Продолжая глупо корячиться на полу с блокнотом между колен, Маргарита вскинула брови.

В голосе Фины сквознул нечаянный холодок, навеянный мыслями об Агате. И чтобы Маргарита не подумала ничего плохого, она поспешила исправить это натянутым смешком.

— Просто я удивлена, что тебя назначили организатором бала. Все-таки ты в Академии только три месяца. Наверное, ты приглянулась мастеру Дорену!

Маргарита кашлянула, отвлекая Фину от своего румянца, и медленно выпрямилась.

— Вообще-то я сама напросилась организовать бал. Мастер Дорен спас меня... нас... от ледяного демона. Это... — положила она руку на сердце, — самая малость из того, что я могу сделать в качестве благодарности для него.

— Уверена, у тебя все получится! — подбодрила ее Фина.

— Да! — Маргарита словно светила изнутри. — Я организую такой праздник, который запомнится всем!

Фина осталась помочь Маргарите с выбором цветов. Они неспешом прогуливались между рядами оранжереи, вместе решая, какие из этих благоухающих созданий достойны бального зала.

Фина осторожно ощупала бархатистые лепестки роз:

— Эти — идеальны для центральной композиции, — заключила она, указав на пышные кремовые бутоны. — Они будут отлично сочетаться с бардовыми гобеленами, а бесцветной статуе принцессы добавят цвета и нежности!

— Угу! — Маргарита занесла название сорта в свой блокнот.

Солнечные лучи заливались сквозь стеклянный купол в оранжерею, окрашивая воздух в золотистые тона. Маргарита, вдохновленная предстоящим торжеством и благоуханием цветов, и сама будто бы расцветала.

Подруги увлеченно обсуждали каждую деталь: от оттенков скатертей до аромата свечей, что поставят на люстры.

— А как насчет этих? — Маргарита осторожно подобрала в ладонь бежево-розовые соцветия.

Фина принялась:

— Слишком навязчивый запах, у кого-нибудь может закружиться голова.

Работа кипела. Закончив выбирать цветы, Маргарита, утомленная, но счастливая, присела на край стола.

— Мы справились даже быстрее, чем я ожидала. Все благодаря тебе. Никогда бы не подумала, что ты так хорошо разбираешься в цветах!

Фина прислонилась к столу рядом, задумчиво раскручивая в пальцах сорванную головку нежно-голубого цветка с острыми лепестками.

— Правда? Даже не заметила.

— О чем задумалась?

Фина выдавила слабую улыбку:

— Да так. Неважно.

— Ты же пойдешь на бал? — Маргарита поддалась ее смурному настроению. Из того, что она видела на лице подруги, можно было ждать лишь один категоричный ответ — «нет».

Но Фина была полна сюрпризов:

— Пойду! — Она запрятала увядший цветок во внутренний карман пиджака и растопила свою хмурость улыбкой, что добавило её чертам лукавых линий и морщинок. — Там же будет Агата! Как я могу такое пропустить?

Глава 10. Новое платье

— Спасибо тебе, Fiна! — восклицала слова благодарности Маргарита, выстукивая каблуками по «этажу изгоев». — Мы сделали даже больше, чем я запланировала. Осталось дать список поручений и блюд госпоже Акки, чтобы она могла распределить обязанности между прислугой, и можно немного расслабиться! Хотя... расслабишься тут, когда на носу экзамены...

Fiна была не очень разговорчива сегодня, но за Маргариту искренне радовалась, потому её ответы ограничивались лаконичным, но довольным «ага». Суета, в которую вовлекла её подруга, принесла облегчение для растерзанного волнениями сердца. Она почти забыла, что Агата уже должна была закончить с подработкой и познавательными посиделками клуба «Зануд» — как она в душе отзывалась об их занятиях с Пегги и Вельвет — и сейчас вернуться в общежитие.

Агата, кажется, тоже немного увлеклась, потому что испуганные выражения на лицах, когда они все встретились в одной комнате, были у обеих.

Единственное зеркало висело на двери, под фонарем с Фуи. Агата, в этот момент красовавшаяся перед отражением, от неожиданности слетела со ступеньки. Её спасла от падения отточенная изматывающими тренировками с мечом реакция Маргариты. Девушка своевременно успела подхватить ведьмочку за запястье.

— Ты в порядке?

Агата почувствовала, что снова твердо стоит на ногах, и юркнула за распахнутую настежь дверцу платяного шкафа, где рассчитывала от всех спрятаться.

Она знала, что это бесполезно, но продолжила там стоять, в смущении закрываясь руками.

Ни Fiна, ни Маргарита не поняли, что заставило ведьмочку так смутиться.

— Агата, ты в честь чего так нарядилась? — с интересом рассматривала её платье Fiна. Светло-голубое, в цвет глаз — оно отлично смотрелось на ведьмочке.

Поскольку все её уже увидели и даже упомянули её наряд, Агата открыла лицо и робко вышла к подругам.

— Я примеряла платье для бала.

— Здорово! — ярко отозвалась Fiна.

Маргарита тоже отреагировала громко:

— Ух, ты, Агата, ты прямо как принцесса! Тебе очень-очень-очень идет!

Агата обняла себя руками и несколько раз упрямо помотала головой:

— Вовсе нет. Оно мне мало.

Маргарита раздумываясь взялась за подбородок, и взгляд её стал напористее, что только сильнее засмущало Агату.

— Сложно сказать. Выпрями спину.

— Агата расправила плечи едва не со слезами на глазах.

— Вроде все отлично сидит. Fiна, как считаешь?

— Я считаю, — в широкой улыбке расплзлись губы той, — Агата выглядит великолепно! Но Агате все равно все не нравилось:

— Оно слишком открыто, я к такому не привыкла. Боюсь, в нём на балу все будут пялиться на меня.

— Ну и хорошо! — громогласно воскликнула Fiна. — В этом же суть бала, разве нет? Чтобы толпы смотрели на тебя во все глаза, обсуждали, оценивали каждое твое слово и жест...

Агата увядала от её слов, как упревший на солнцепёке цветок.

Маргарита поспешила закончить этот список страшилок и пихнула Фину в бок:

— Эй, тебя послушать, так бал — это что-то ужасное. Не слушай её, Агата, — ласково сверкнула она улыбкой на подругу. — Да, на балу будет много людей, но все будут в масках. Это же здорово, на один вечер побыть кем захочется!

В своем подбадривании Маргарита вдруг вспомнила, что у нее самой платья-то и нет! Всё её наследие из родного мира насчитывает бесполезный здесь телефон, испорченные крекеры и рюкзак. Да и те все конфискованы мастером Дореном!

— О, нет! — вдруг побледнела она, перепугав всех своей резкой сменой тона. — Я совсем забыла, что у меня нет платья! Как я пойду на бал?

— Я бы поделилась, но у меня всего одно платье, — подобрала подола Агата, показывая, что и сама была бы не прочь выбрать что-то другое.

— Фина? — умоляюще соединила ладони Маргарита.

Фина со смешком покачнулась:

— Эм, прости, но я не ношу платья.

— В чем же ты пойдешь на бал?

— А я не буду наряжаться, — после секунды размышлений выдала огненная чародейка. — Ты тоже можешь пойти в форме. Никто не имеет права тебе ничего сказать.

Маргарита, как громом пораженная, рухнула на кровать:

— Но это мой первый бал... Без платья все будет не так... — уронила она, трагично глядя на свои колени, прикрытые помятым подолом юбки, и слушая сочувствующее молчание Агаты.

У Фины быстро отыскалось решение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.